

На правах рукописи

Дыдров Артур Александрович

**ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННЫХ
СТРАТЕГИЙ**

Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Челябинск – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный институт культуры»

Научный консультант:

Невелева Вера Сергеевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»

Официальные оппоненты:

Смирнов Сергей Алевтинович, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук;

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»;

Храпов Сергей Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского"

Защита состоится 15 апреля 2021 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 210.020.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный институт культуры» по адресу: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, корпус 1, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Челябинского государственного института культуры (<http://chgik.ru/>).

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

Тарасова Юлия Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный человек живет в эпоху инноваций с присущими ей перманентным увеличением объема информации, интенсивным развитием техники и технологий, широким спектром политических, экономических, социальных и культурных проектов. Инновации оказывают на человека далеко не однозначное воздействие: с одной стороны, они побуждают к саморазвитию, постоянному обновлению знаний, умений, навыков и компетенций, с другой стороны, вызывают деструктивные реакции, дезориентирующие человека и препятствующие адаптации к переменам. Не случайно во второй половине прошлого столетия возникли термины «футурошок» (Э. Тоффлер) и «футурофобия» (И. В. Бестужев-Лада), фиксирующие негативные последствия столкновения человека со стремительно меняющимся миром.

В XX – XXI столетиях обострились противоречия между размеренным течением жизни и интенсивностью перемен; традициями, с одной стороны, и новациями, с другой; между ценностями изменения и ценностями сохранения. У современного человека, как никогда ранее, есть огромные возможности для изменения мира и самого себя. Трансформации происходят во всех сферах жизни. Без преувеличения можно сказать, что жизнь сегодня идет под флагом новаций и инноваций.

Новации и инновации являются и фактом, и условием существования современного человека, стратегическим ресурсом и ценностью индивидуальной и общественной жизни. Они преобразуют действительность и вместе с тем делают ее «турбулентной». Только за последние восемь-девять лет в России были созданы десятки программ инновационного развития, разработанные коммерческими организациями и государственными структурами. «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Государственная программа инновационного развития 2016 – 2020», «Развитие образования», «Развитие науки и технологий 2013 – 2020», «Информационное общество 2011 – 2020» – лишь немногочисленные примеры инновационной активности на государственном уровне. Активно внедряются новшества, дающие импульс устойчивому росту и развитию общества и возможности для повышения качества жизни людей.

С развитием медицинских технологий человек получил возможность справляться с болезнями, ранее считавшимися неизлечимыми, исправлять многие врожденные дефекты и патологии, нивелировать негативные последствия инвалидности. В XX в. медицинские технологии стали активно применяться не только как средство *исцеления* человека, но и для коррекции и замены частей тела (что далеко не всегда связано с болезнями или патологиями). Кроме того, стартовали крупные проекты по картированию головного мозга человека, разработке искусственного интеллекта, не обусловленные медицинскими целями. Некоторые ученые и представители бизнеса надеются, что в будущем нано-, био-, когнитивные и

информационные технологии позволят человеку освободиться от «наследия» эволюции, трансформироваться в постчеловека и войти в эру Технологической Сингулярности – эру гигантских вычислительных мощностей, искусственного интеллекта и самосовершенствования техники и технологий. Технологическая сингулярность предстает у трансгуманистов – идеологов постчеловека – в качестве безусловной ценности.

Если будущее ознаменуется технологической сингулярностью, то технико-технологический прогресс окончательно выйдет из-под контроля человека и будет осуществляться автономно. Именно такого будущего – времени самоуправляемых машин – ожидают предсказатели новой эры. Естественно, это не может не вызвать вопросов: не утрачена ли в ориентации на конкретные цели смысловая составляющая инновационных стратегий? Фундированы ли генеральные цели трансгуманистов гуманитарным смыслом? Ради чего человеку рекомендуют кардинально меняться?

Интенсивность перемен в технике и технологиях ставит вопрос об идентичности человека как человека перед лицом инновационных стратегий, направленных на трансформацию его природы и возникновение «постчеловека». Как оптимально существовать в эпоху стремительных перемен и при этом остаться человеком? В действительности человек далеко не всегда находит баланс между ценностями изменения и сохранения, не достигает в этом «точки оптимума». Отсутствие баланса прямым образом сказывается на способе существования человека и оказывает влияние на его будущее.

Достижение разумного баланса между ценностями изменения и сохранения – дело, требующее больших общественных и личных усилий. К инновациям нужен рациональный, обстоятельный, критический подход, свободный как от безоговорочного принятия, так и от обскурантизма. Инновации, инновационные процессы и инновационная деятельность требуют основательного осмысления, особенно если они касаются решительного изменения природы человека. Сегодня, как никогда ранее, требуется инновационная стратегия, ориентированная не на технологическое преобразование природы человека, а на сохранение, воспроизводство и развитие человека как уникальной целостности в инновационной среде, на поиск «точки оптимума», необходимой для будущего. Такой стратегии необходимо опираться на представление об универсальности человека, на его естественно-природный и социокультурный (личностный) потенциал. По-видимому, в условиях популяризации гуманоориентированных технологий, требуется разработка плана реализации альтернативной, гуманитарной стратегии.

Растущая мощь инноваций, направленных на трансформацию природы человека и, в конечном счете, на моделирование «постчеловека», и обслуживающая эти инновации идеология должны стать предметами философско-антропологического анализа. В данной диссертационной работе осуществляется философское осмысление новации и инновации как средств

движения в будущее, инновационных стратегий, ориентированных на трансформацию природы человека, а также способов самоопределения человека в эпоху инноваций.

В связи с вышесказанным возникает проблемный вопрос: как возможно человеку будущего быть целостным и при этом инновационно существовать, совмещая ценности изменения и сохранения?

Степень научной разработанности темы. В процессе исследования был задействован широкий спектр научной и философской литературы, а также тексты международных документов, форсайт-сессий и другие источники.

Анализ литературы и диссертационных исследований дает основания для вывода, что феномен будущего в философско-антропологическом ракурсе по-прежнему требует осмысления. Сторонники научно-прогностического подхода понимают будущее как особую реальность, которой еще нет. Такое представление обусловило двоякое отношение к будущему: с одной стороны, будущее как один из модусов времени имеет признак независимости по отношению к человеку, с другой стороны, будущее – это реальность, на которую можно влиять. С развитием футурологии во второй половине XX в. будущее пытались не только предсказывать, но и конструировать. Практика предсказания и конструирования будущего приобрела мировое значение благодаря деятельности Римского клуба (А. Печчеи, А. Кинг, Д. Форрестер, Д. Медоуз и др.). В России и за рубежом возникли исследовательские группы, занимающиеся «сценированием» и «конструированием» будущего – «фабрики мысли», современные группы «Конструирование будущего», «Метавер» и т. д. Футурологическая (объективистская) трактовка будущего представлена в многочисленных западных и российских исследованиях: J. Dator, M. Dublin, B. Joy, R. Watson, M. A. Батина, С. П. Капицы, Р. Курцвейла, Н. Талеба, А. В. Турчина и др.

Философско-антропологическая интерпретация будущего основана на соответствующем подходе к феномену времени. В трудах Августина была развернута идея о времени как о феномене бытия человека. В некоторых философских концепциях Нового времени объективная длительность времени была сведена к субъективному восприятию (Д. Локк, Д. Юм и др.). Трансцендентальный идеализм И. Канта был попыткой устранить противостояние объективистской и субъективистской интерпретаций времени. Позднее новый способ концептуализации времени предложил Э. Гуссерль. В феноменологической философии осознаваемая реальность не является исключительно продуктом деятельности рассудка, а в опыте содержится нечто являющееся и естественное. Благодаря феноменологии и философской антропологии концептуализируется человеческое измерение времени. Интерпретируя феномен времени, философы касались и темы будущего. В концепции Х. Плеснера будущее является временем, к которому устремлена эксцентрическая природа человека. По определению немецкого

мыслителя, человек есть предвосхищающее само себя бытие. В частности, эксцентричность человека выражена целенаправленно – причиной осуществления шагов в будущее. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера будущее понимается в качестве исходного феномена человеческого бытия, неразрывно связанного с возможностью «вот-бытия». Субъективистские и объективистские трактовки времени и будущего немецкий философ относил к «несобственному» его пониманию.

В трудах Э. Фромма обозначено три способа отношения к будущему: пассивное ожидание, форсирование событий и надежда. Последняя трактуется как постоянная готовность к тому, что еще не родилось, не детерминированная покорностью перед грядущим. При этом надежда не предполагает форсирования событий, инновационной «гонки» в качестве самоцели, но связана с активной позицией человека, его усилием в работе над собой, пониманием того, ради чего он что-либо делает. Согласно гуманистической позиции Э. Блоха, человек всегда устремлен в будущее как подлинно человеческое. Надежда, в этой связи, – проводник от несовершенного к совершенному, к новому и лучшему. В философских концепциях М. Хайдеггера, Э. Блоха, Э. Фромма, Э. Агацци было четко обозначено аксиологическое измерение будущего. Последний акцентировал внимание на том, что мысли и действия всегда имплицитно связаны с наличием некоторого принципа «как должно быть». Представление о должном пронизывает всю сложную иерархию человеческой деятельности. В аксиологическом контексте будущее можно трактовать как сферу воплощения желаемого и должного.

Философско-антропологическая интерпретация времени представлена в диссертационных исследованиях и монографиях Г. А. Алексиной, Д. В. Гарбузова, А. В. Дроздовой, Н. В. Кузьмина, В. И. Молчанова и др. В них акцентируется внимание на времени как феномене человеческого бытия, однако, будущее не выделяется в качестве особого предмета для осмысления.

Феномен человека будущего, в отличие от феномена будущего, практически не осмыслен ни в философии, ни в науке. В книге «Перспективы человека» И. Т. Фролов утверждал, что философия способна реализовать триединую задачу (интегративную, критическую и аксиологическую) ради решения проблем развития человека и определения перспективы его существования в условиях возрастания мощи и значимости техники и технологий, изменения степени и характера воздействия человека на мир. Во многом эта задача принималась и принимается во внимание философами, разрабатывающими концепцию гуманитарной экспертизы (В. А. Луков, С. А. Смирнов, Б. Г. Юдин) как комплекса мероприятий по оценке достоинств и рисков технико-технологических и иных новшеств.

В культуре различных исторических эпох возникали яркие образы человека будущего, выражающие как представления о гармоничном и совершенном (например, в утопиях), так и о деградировавшем человеке (антиутопии). В научных и философских трудах тема человека будущего

занимает значимое место. Объектом исследования при этом служат научная фантастика (Ф. Джеймисон, Е. Н. Ковтун), социальная утопия и антиутопия (Л. А. Морщикина, И. Д. Тузовский), политические идеологии (И. В. Демин, С. Б. Калиниченко). Еще с древности сохранились памятники литературы, кристаллизовавшие образы гармоничного, совершенного человека. Прежде всего, речь идет о мифах «золотого века», повествующих о времени легендарных поколений – людей, живших в абсолютном согласии с природой и друг с другом. В трудах Гесиода и Овидия говорилось, что эти поколения жили в далеком прошлом, а их потомки деградировали до состояния войны. В IV в. до н. э. в диалоге «Государство» Платона велась речь о воспитании трудолюбивых крестьян, доблестных стражей и мудрых правителей. Диалог Платона является первым из известных сегодня литературных памятников, содержащих конкретные рекомендации по воспитанию нового человека.

Идеи о гармонии индивидуального и социального бытия человека, содержались в философии стоицизма, эпикуреизма и неоплатонизма, в трудах средневековых христианских мыслителей. Философия Нового времени была пронизана пафосом самоутверждения человека как полноценной, самодостаточной и всесторонне развитой личности. В Новое время (и позднее – в философии космизма) оформились идеи о вселенской роли человечества: человек рожден на Земле, однако не осужден на то, чтобы вечно находиться в колыбели. Особое место в этой связи занимала русская философская мысль. В трудах А. В. Сухова-Кобылина была оформлена концепция «Всемира», предсказывавшая переход человека и человечества от «теллурической» (земной) стадии развития к «соляриной» (в масштабах Солнечной системы), а от нее к «сидерической» (вселенской). Позже философы-космисты основательно разрабатывали идею о космическом предназначении человека. Вместе с тем они акцентировали внимание и на духовных ценностях, формировании принципиально новой морали, необходимой для качественного скачка в развитии («супраморализм» Н. Ф. Федорова). В трудах К. Э. Циолковского разрабатывалась не только космическая этика, но и тема физического и интеллектуального совершенствования человека, достигающегося посредством улучшения рода. В 20-х гг. прошлого столетия оформилась группа «биокосмистов» (А. Б. Ярославский, А. Ф. Агиенко и др.), основывавшаяся на идеях Н. Ф. Федорова. Участники группы видели особое предназначение человека не столько в деле воскрешения отцов, сколько в обретении личного физического бессмертия. Для достижения поставленной цели надеялись применить как имеющиеся в наличии, разрабатывающиеся, так и гипотетические технологии (например, крионизацию).

Во второй половине XX в. в западных странах (позднее и в России) возникла трансгуманистическая ассоциация (Н. Бостром, Д. Пирс). Ее основатели (а затем и многочисленные последователи трансгуманизма) утверждали, что человек не является вершиной эволюции. Человеческий разум, тем не менее, может (и должен) найти средства не только для

преодоления несовершенства физической природы и когнитивных способностей человека, но и для свободных манипуляций с телом и организмом, а в перспективе – для отказа от тела. Взяв на вооружение идею перехода человека на качественно иной уровень развития посредством всестороннего применения НБИК-технологий, трансгуманисты не создали единого проекта преобразования человека. Это обусловило раскол трансгуманизма на несколько направлений: аболиционизм, ставящий во главу угла борьбу с болезнями и патологиями, физическими страданиями человека (Д. Пирс); либертарианство, проповедующее неограниченное право каждого человека на «модернизацию» тела и свободную рыночную циркуляцию НБИК-технологий (Р. Бейли, Г. Рейнольдс); технокоммунизм, выступающий за нанотехнологическую революцию, открывающую путь к изобилию и ликвидации труда (А. В. Лазаревич); сингуляризм, предсказывающий неконтролируемый прогресс вычислительных мощностей компьютеров и выступающий за перенос сознания на небиологический носитель (Н. Бостром, Г. Моравек, Э. Юдковский, А. А. Болонкин).

Советские и российские ученые – Г. Д. Бердышев, А. В. Букалов, И. В. Вишев, Л. В. Комаров, В. Ф. Купревич, А. Н. Радченко, М. В. Соловьев и др. – во второй половине прошлого века стали оперировать термином «иммортология». В работах И. В. Вишева иммортология определяется как наука о достижении реального практического бессмертия и вписана в контекст «иммортотгуманизма» – нового направления гуманизма, объявляющего физическое бессмертие безусловной, высшей ценностью. Западные ученые (среди них Э. Дрекслер, Д. Дойч, Д. Хиллис, Р. Эттингер) – сторонники практического бессмертия – не пользуются термином «иммортология», предпочитая говорить о научном бессмертии (*scientific immortality*). Как правило, научная иммортология основывается на достижениях в области биологии и медицины (например, открытие плюрипотентного клеточного механизма), физики (квантовая теория, наночастицы) и информатики (большие данные, искусственный интеллект и т. д.).

Постулаты иммортологии и в особенности трансгуманизма (ввиду его популярности на Западе) вызвали мгновенную реакцию в научном мире. Очевидно, эта реакция в принципе не могла быть однозначной, так как основатели и сторонники новых течений выдвигали претенциозные идеи о переходе человека на новую, созданную самим же человеком ступень эволюции. Сравнительно небольшое число ученых оценивает трансгуманизм в качестве прогрессивного направления, ведущего к решению многих социальных, духовных, политических, экономических и иных проблем. Д. И. Дубровский убежден, что трансгуманизм является средством спасения современного человека от гибели в результате масштабных антропогенных катаклизмов (войн, экологических бедствий и т. д.). В этой связи выход каждого человека и человечества в целом на качественно иной уровень развития необходим во избежание антропологической катастрофы.

Обозначенное убеждение вызывает вопрос о том, сохранится ли человек в уникальном сочетании составляющих его природы?

В большей части исследований идеи трансгуманизма и иммортологии оцениваются иначе. Трансгуманистические идеи воспринимаются с осторожностью (S. Bahji, A. S. Grant, F. Torralba, О. В. Летов, С. В. Маслаков, В. В. Сидоренко, Б. Г. Юдин и др.) или подвергаются резкой критике (С. Audin, И. Н. Каланчина, В. А. Кутырев, М. А. Степанов, Е. С. Сухов и др.). Так, например, Б. Г. Юдин анализировал ценностные основания трансгуманизма и сопоставлял их с ценностями гуманизма. Он пришел к выводу, что гуманистическая позиция основывается на ценности природы человека в ее целостности, тогда как антигуманистическая позиция требует переделки человека ради долголетия, улучшения психических и интеллектуальных качеств и т. д. Ученый призывал к поиску разумных оснований для дискуссий и обсуждений, поиску золотой середины между безоговорочным принятием и категорическим отрицанием новых идей. Известный американский футуролог Ф. Фукуяма, напротив, относится к трансгуманизму и идее постчеловека принципиально негативно и называет самой опасной концепцией в мире.

Трансгуманистические идеи преимущественно критикуются с религиозно-этических позиций. В статьях М. Kotzé, E. Hammes, T. Peters, V. Green, иеромонаха Максима (Э. Г. Попова), С. А. Шукана и др. трансгуманистов называют «архитекторами» нового мира – мира без человека, обвиняют в притязаниях на роль бога. Возникновение этих радикальных идей стало возможным потому, что человек отказался от бога и поставил себя в центр мироздания.

Социально-философский ракурс рассмотрения трансгуманистических идей представлен в работах S. Kohn, R. Lynch, В. А. Лекторского, А. И. Нафикова, А. К. Поправко, В. А. Рыбина, А. М. Ойдоповой, А. Е. Шишкина, Е. Н. Семкиной, В. В. Стадницкого и др. Исследователи дают трансгуманизму негативную оценку и видят в нем «очередную утопию» (В. А. Лекторский) и повод для развязывания войны между человеком и постчеловеком (А. Е. Шишкин). В рамках обозначенного подхода исследователи акцентируют внимание на возможных конфликтах человека и его модифицированного потомка.

В философско-антропологическом ракурсе идеи трансгуманизма представлены в работах И. В. Аксенова, П. С. Гуревича, В. А. Кутырева, Ю. Хабермаса и др. Они акцентировали внимание на аспекте конструируемости человека с помощью новых технологий (прежде всего генной инженерии) и в связи с этим – на вопросе о границах его субъектности и человечности, свободе воли и выбора, самостоятельности в мысли и действии. В. Г. Богомяков, Л. Г. Суворова и М. Г. Чистякова критикуют идею переноса сознания на небιологический носитель и возможным негативным следствием этой идеи считают появление «идентичных личностей» (копий). Исследователи критически относятся и к идее контроля над всеми

биохимическими процессами в организме человека. Л. В. Баева рассматривает трансгуманизм в контексте ценностной парадигмы высокотехнологического общества. Трансгуманистические идеи обслуживают процессы компьютеризации человека, его синтеза с машиной. В. А. Кутырев обосновывает несостоятельность притязаний иммортологов и трансгуманистов на возведение физического бессмертия в ранг высшей ценности. Притягательность новых, «постчеловеческих» идеологий обусловлена, главным образом, интенсивным развитием hi-hume (гуманоориентированных технологий) и популяризацией постмодернистской культуры. В философско-антропологическом смысле это ведет к последовательному самоотрицанию человека, или деантропологизации (П. С. Гуревич). По мнению Л. Е. Моториной, следует различать постчеловека как дискурсивную конструкцию трансгуманизма и как человека, переходящего в новую технологическую эпоху, но сохраняющего при этом антропологические константы. Согласно второй интерпретации, постчеловек – это человек настоящего, определенным образом усваивающий технологические достижения.

Идеи о трансформации природы человека вызывали и вызывают многочисленные дискуссии. Между тем, эти идеи вполне соответствуют установкам приоритета научной и научно-технической рациональности и запросам инновационной эпохи. Инновационность устойчиво ассоциируется с научной и технико-технологической сферами – именно они, по преимуществу, являются источниками инноваций, и именно в них изменения происходят с самой большой скоростью. С начала XX в., во многом благодаря концепции Й. Шумпетера, об инновациях стали говорить преимущественно в экономическом и технико-технологическом контекстах. Однако историко-философский анализ дает основания утверждать, что задолго до этого существовали и иные интерпретации инновации. Упоминания об инновациях можно найти в оригинальных текстах Ф. Бэкона, И. Бентама, А. Фергюсона, И. Канта, Д. Дидро. В более поздних работах Б. Рассела, А. Уайтхеда, К. Поппера, Т. Куна, Ж. Бодрийяра, Т. Парсонса, И. Р. Пригожина и др. В Новое время инновацию интерпретировали как масштабное событие, влияющее на устройство общественного порядка. Этим событием могла быть, прежде всего, политическая или религиозная реформа (Ф. Бэкон, И. Бентам, А. Фергюсон). В философии XX в. инновации связывали не только с социальными событиями, но и с персональным творчеством, продуктами интеллектуальной деятельности (Б. Рассел, Т. Кун, И. Пригожин и др.). В социально-гуманитарных исследованиях инновации часто интерпретируются в духе экономической теории (Т. Greenhalgh, V. Venkatesh, Д. А. Громов, М. А. Джерелиевская, К. П. Тихоненко, И. В. Шульгина и др.).

Большое значение для данного диссертационного исследования имеет статья Ю. М. Осипова «Инновационный мир растерянной России», в которой осуществляется расширительная трактовка инноваций как масштабных

социальных, культурных, политических и иных изменений. Автор утверждает, что социокультурные и политические инновации должны предварять все остальные нововведения. М. Н. Эпштейн ввел в оборот понятие гуманитарного изобретательства, фиксирующее практики самостроительства человека и созидания смыслов в социокультурном пространстве. Результатом гуманитарного изобретательства может стать идея, воплощающаяся в конкретных культурных практиках, творческих организациях, интеллектуальных движениях и т. д.

Философско-антропологический подход к феноменам новации и инновации был осуществлен в диссертационном исследовании В. Д. Цветковой. Автор связала новационность и инновационность с самореализацией личности, то есть формированием способностей к самосовершенствованию, самоорганизации, переустройству человеком собственного внутреннего мира. В диссертации и монографии В. С. Невелевой выражена идея о человеке-принципе – новаторе, выдвигающем новый принцип организации мира человека.

Философско-антропологический подход позволяет не только критически отнестись к инновационным стратегиям, основанным на гуманоориентированных технологиях, но и интерпретировать образование как альтернативную инновационную стратегию, непосредственно ориентированную на человека будущего, решающую задачи формирования человека как субъекта инновационной деятельности и обеспечивающую вместе с тем сохранение его естественно-родовых и индивидуальных характеристик. В самом общем смысле, можно сказать, что образование обеспечивает сохранение, воспроизводство и развитие целостности человека. В трактовке последней мы опирались на идеи Д. В. Пивоварова, П. С. Гуревича и И. А. Беляева о типах целостности (тоталитарном, партитивном и гармоническом), а также на тезис о реализации человека в трех «ипостасях» целостного Мира – природном, социальном и духовном.

В последние годы в российской науке существенно возросло число публикаций, посвященных образованию. Образование сегодня переживает масштабные перемены. Меняется идейная надстройка образования: и за рубежом, и в России укоренилась идеология непрерывного образования, или образования через всю жизнь (Lifelong Learning). Lifelong Learning посвящен «Меморандум непрерывного образования Европейского Союза» и стратегический проект «Инновационная Россия – 2020».

В условиях инновационной гонки образование постоянно подвергается критике за несоответствие вызову времени. Авторы масштабного проекта «Образование 2030» особо акцентируют тезис об отсталости образования, поскольку успешность современного человека непосредственно зависит от степени его инновационной активности. Между тем утверждается, что традиционное институциональное образование не формирует навыков инновационной деятельности (П. О. Лукша, Д. С. Песков, И. А. Савчук и др.). Идеи о перспективах российского образования развернуты в книгах,

кодифицирующих результаты форсайт-сессий, – «Карты, ставки, образы», «14 лекций о будущем», «Вызов 20.35», «Образование 20.35. Будущее» и др. Идентичные оценки образованию еще несколько десятилетий назад давали Р. Юнг, Э. Тоффлер, Р. Coombs, В. Scott, D. Baker и др. Многие социально-гуманитарные исследования заканчивались похожими выводами (А. Albirini, P. Altbach, P. Gandara, И. В. Давыдова, З. И. Иванова, Л. М. Лузина и др.). В работах указанных авторов образование трактуется как практика формирования знаний, умений и навыков в системе уполномоченных на это социальных институтов. Такое понимание образования правомерно, однако, связывает последнее с деятельностью социальных структур.

Философский и, в частности, философско-антропологический подход к образованию позволяет трактовать последнее как процесс (и сферу) самоопределения человека в мире, формирования способности к осмысленным и социально значимым действиям, а также к ответственности за поступки (И. Дерболов, О. Больнов, М. Лангевельд и др.). Образование в этом широком смысле является сферой самообновления человека. В процессе образования человек учится меняться, постоянно развиваться, сохраняясь при этом в единстве физических, когнитивных и социокультурных (в том числе духовных) качеств. Эта целостность, определенным образом учитываемая в перечне компетенций, воспроизводится усилиями участников образовательной деятельности ради того, чтобы подготовить конкурентоспособную единицу на рынке труда. Среди образовательных компетенций немаловажное место занимают те, в которых упоминается личностный рост, личностное развитие, самовоспитание.

Не случайно в антропологически ориентированных концепциях философии образования человек обозначается как «animal educandum» (М. Лангевельд) или «homo educandus» (Г. Рот). Философский подход позволяет абстрагироваться от частных определений содержания и целей образования. В статьях Л. А. Беляевой образование определяется как процесс социокультурного воспроизводства человека на основе предвосхищающего прообраза. Его наличие и есть обозначение того полюса, в соотношении с которым строится реальная образовательная практика. Содержание этого прообраза конституируется представлением о человеке как имеющем задатки для всестороннего развития, становления личностью – мыслящей, деятельной, несущей ответственность за свои мысли и поступки. Это социокультурное воспроизводство осуществляется с учетом целостности бытия человека и встроенности человека в мир (Н. Л. Худякова). Образование, в самом общем смысле, направлено на воспроизводство и развитие физических, когнитивных и социокультурных качеств человека, а также на обеспечение оптимального существования в мире.

По мнению А. Г. Кислова, современное образование начинается не с изучения человека, а с обращения к человеку, открывающего его «само» и снимающего социальные статусы и роли. Это «само» есть то синкретичное единство, которое сохраняет каждого человека как уникальную единицу в его

уникальной целостности. Сверхзадача образования, в связи со сказанным, видится в том, чтобы обеспечивать условия для сохранения, воспроизводства и развития человека как уникальной целостности, в которой «само» не будет подчинено конкретным, «узким» (например, прагматическим) задачам.

Образование обеспечивает человеку возможность инновационно существовать и при этом сохранить самого себя в условиях инновационной гонки. Безусловно, технологизация образования влечет за собой еще не до конца изученные риски – в частности, неоднозначно влияет на идентичность человека (С. А. Храпов). В социально-гуманитарных науках возросло число исследований, посвященных инновациям в образовании. Многие авторы считают, что только новые подходы, методы и приемы могут спасти образование от труднопреодолимого отставания. В западных и позднее в российских исследованиях интенсивно разрабатывалась концепция проектного обучения (project-based learning), ориентирующего учеников на исполнение определенной задачи, достижение конкретного, как правило, практически полезного результата (В. Barron, Р. Blumenfeld, М. Prince, А. С. Галченко, В. Н. Наумов, В. Ф. Поддубный). Другие исследователи делают акцент на преодолении дезадаптации человека в условиях инновационной эпохи. В этой связи особо значима идея С. А. Смирнова о создании антропологической платформы, фундирующей национальную технологическую инициативу. Антропоплатформа должна объединять в себе гуманитарную экспертизу и гуманитарные технологии (прежде всего, в образовании), рынок антропоориентированных продуктов и полигоны-лаборатории для отработки новых культурных, исследовательских, социальных практик на базе учебных заведений. В условиях инновационной гонки не подлежит сомнению значимость компенсаторных технологий, снижающих риск негативного воздействия цифровизации и других тенденций (С. А. Храпов).

Еще во второй половине XX в. Р. Юнг и Э. Тоффлер предлагали проекты по организации в учебных заведениях специальных прогностических групп, занимающихся анализом политических, технико-технологических и иных трендов и предсказывающих их дальнейшее развитие. А. Д. Урсул сформулировал идею «футуризации» образования, связанную с ориентацией образовательного процесса на моделирование и прогнозирование будущего. Футуризация ориентирована на формирование у человека способности адаптации к технико-технологическим, политическим и иным переменам, а также на достижение устойчивого развития.

Таким образом, анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод, что феномен человека будущего *косвенно* обозначается в различных исследованиях в связи с разными аспектами исследования будущего и способов движения к нему. Ряд современных инновационных стратегий ориентирован на трансформацию человека. Человек, по их замыслу, должен уступить место «постчеловеку», который появится в качестве закономерного

итога научно-технического прогресса. Все это обуславливает необходимость концептуального философско-антропологического осмысления человека будущего, перспектив человека как особого рода сущего в ситуации приоритета инновационного развития.

Объект исследования – человек (на всеобщем, особенном и единичном уровнях осмысления) в контексте инновационных стратегий, задающих векторы изменения его природы и воспроизводства его целостности.

Предмет исследования – образы человека будущего, определяющиеся содержанием инновационных стратегий.

Цель исследования: обосновать концепцию человека будущего на основе определения стратегии воспроизводства его целостности, обеспечивающей оптимальное существование и развитие в инновационном пространстве и сохранение человеческой идентичности.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач:**

1. Осуществить философско-антропологическую интерпретацию будущего как особого модуса времени существования человека.

2. Представить варианты интерпретации человека будущего на основании философско-антропологического подхода.

3. Выявить сложившиеся в истории философии представления о новации и инновации и осуществить их анализ.

4. Определить отличительные признаки новации и инновации на предметно-вещественном и ценностно-смысловом уровнях бытия человека.

5. Представить новацию и инновацию в качестве способов отношения человека к будущему.

6. Осуществить экспликацию образов человека будущего в трансгуманизме и иммортологии.

7. Выделить основные особенности телесной организации и духовного мира человека в инновационных стратегиях трансгуманизма и иммортологии.

8. Выявить существенные признаки социокультурного бытия человека будущего в контексте гуманоориентированных инновационных стратегий.

9. Определить содержание антропологии инноваций как гуманитарно-антропологической установки, ориентированной на достижение баланса между ценностями изменения и сохранения, целями и смыслом деятельности, на ответственное отношение к будущему.

10. Обосновать антропологию инноваций как вид гуманитарного знания, предметное поле которого связано с совокупностью проблемных, антропологически значимых вопросов инновационной деятельности и, в конечном счете, с существованием и перспективами человека.

11. Определить принципиальные основания и приоритеты образования как альтернативной гуманитарной стратегии, направленной на формирование ответственного и участного мышления человека о будущем; обосновать тезис

о потенциале образования в качестве инновационной стратегии движения человека в будущее, личностного развития, сохранения и воспроизводства целостности человека.

Теоретическая основа исследования. Теоретическим основанием исследования является концепция Э. Гуссерля о связи кризиса европейской культуры и европейского человека в XX в. с редукцией универсальной рациональности до научной. Идее Э. Гуссерля созвучна идея М. Хоркхаймера и Т. Адорно о мифологизации научно-технологического прогресса. В этой связи критическое мышление рассматривается философами как средство формирования «реальной гуманности», находящейся под угрозой вследствие возникшего культа научной рациональности.

В качестве теоретического основания выступает также концепция фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, в которой человек есть особое сущее, вопрошающее о бытии и определенным образом относящееся к бытию. Господство науки формирует определенное отношение к миру, соответствующее доминирующему типу рациональности, – как к объекту научного исследования и преобразования. Согласно принципам постнеклассической научной рациональности, человек является элементом сверхсложных, открытых и саморазвивающихся систем – в том числе, совершенно новых комплексов «человек – компьютер», «человек – Всемирная паутина» и др. В качестве субъекта научных изысканий человек моделирует собственный мозг и генетические структуры, создает искусственные органы, пытаясь не только разрешить все загадки своей природы, но и преодолеть собственные физические ограничения. В качестве объекта исследования человек расчленяется на части, служащие, в свою очередь, объектами моделирования. Опираясь на идеи М. Вебера о типах социального действия, можно утверждать, что человек стал субъектом и объектом научно обоснованного целерационального действия, оставляя в тени вопросы о конечном смысле своей деятельности. В качестве теоретического основания диссертационного исследования выступает идея Ж.-П. Сартра о человеке как проекте, ориентированном на преодоление противоречий между потребностями и миром, стремящемся вызвать к жизни «еще не бывшее», постоянно реализующем себя в мыслях и поступках.

Одним из теоретических оснований является идея о человеке как о целостном телесно-духовном существе, столкнувшимся с вызовами гуманотехнологических стратегий. Эти стратегии ориентированы на превращение человека в «тело без пространства», в «персонажа» (В. А. Кутырев), существующего в виртуальной реальности.

Определение природы человека основывается на философско-антропологических концепциях А. Гелена и М. Шелера о дуальности человека как телесно-духовного существа.

Особо значимыми для настоящего исследования стали идеи Л. Е. Моториной о развитии гуманоориентированных технологий, С. А. Смирнова об антропологической платформе как фундаменте национальной

технологической инициативы (и научно-технического прогресса), Л. В. Бaeвой о культурных трансформациях современности и, в частности, легитимации образов кибернетического человека в массовой культуре, С. В. Тихоновой об эволюции трансгуманизма и переходе к стратегии «человечества+».

Опора на эти принципиально важные философско-антропологические идеи способствовала формированию концепции образования как альтернативной инновационной стратегии, значимой для сохранения и воспроизводства целостности человека.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологической основой диссертационного исследования является философско-антропологический подход, позволяющий рассматривать человека в качестве исходной и конечной точки в исследовании инновационных стратегий. Этот подход осуществлялся с целью решения проблем целостности, идентичности и самоопределения человека в контексте тенденций инновационной эпохи и возникновения гуманоориентированных технологий. Аксиологический подход позволяет акцентировать внимание на ценностно-смысловом содержании бытия человека, на уникальности ценностного мира человека, конституируемого единством и противоположностью сущего и должного. Герменевтический подход позволил обозначить «дальний» горизонт понимания новации и инновации, понимание их конечного смысла – гуманитарного. В исследовании также применялись элементы диалектического подхода: диалектика сущего и должного, изменения и сохранения, целостности и раздробленности в реальном существовании человека и его мира.

В диссертации была произведена экспликация образов человека будущего (представленном в работах сторонников трансгуманизма и иммертологии) и последующая интерпретация этих образов. Принцип единства логического и исторического позволил рассмотреть исследуемый объект в качестве развивающегося и имеющего в различные исторические эпохи свою содержательную специфику. Наряду с экспликацией использовались методы компаративистики (сопоставительно-типологический и сравнительно-исторический методы), позволяющие соотнести образы друг с другом, а также проследить за «эволюцией» представлений о человеке будущего.

В процессе формирования концепции образования как альтернативной инновационной стратегии использовался метод концептуализации, позволивший содержательно дополнить и теоретически организовать представления об образовательных трендах, обосновать концепт антропологии инноваций, а также обозначить узловые моменты стратегии футуризации образования.

В качестве вспомогательных применялись социологические методы (интервьюирование, анкетирование), методы сравнительно-исторического языкознания, а также комплекс прогностических методик (FLF).

В диссертации использовались системный и историко-философский подходы, а также методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, идеализации, классификации.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его новизну, заключаются в следующем:

1. Представлена интегральная интерпретация будущего, объединяющая онтологический, антропологический и аксиологический подходы. Будущее как модус времени существования человека определено через ряд необходимо взаимосвязанных и взаимообусловленных существенных признаков: как связанная с принципиально иным (новым) качеством существования человека сфера возможного в его сопоставлении с действительным; потенциального в соотношении с актуальным; как «идеальная реальность», постоянно присутствующая в жизни человека; как ценность и регулятив деятельности человека в ориентации на самоизменение на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях. Выход в эту сферу осуществляется пробросом (мысленным действием), а движение – путем (последовательностью целенаправленных шагов).

2. Человек будущего определен как образ возможного человека, кристаллизующий социально и индивидуально значимые ценности и служащий ориентиром на пути в процессе развития человека как личности. Обозначены два варианта интерпретации человека будущего – дискурсивная конструкция и результат самосозидания (автопроектирования).

3. С опорой на результаты анализа оригинальных произведений философов Нового времени и XX столетия понятия о новации и инновации выведены за границы материально-технической и экономической сфер жизни общества и человека. Обосновано, что новационность и инновационность универсально проявляются в действительности человеческого существования, то есть не связаны исключительно с определенными сферами деятельности человека.

4. В соответствии с предметно-вещественным и ценностно-смысловым измерениями бытия человека осуществлена философско-антропологическая интерпретация новации и инновации. Показано, что новации и инновации органично связаны с трансцендированием и творчеством, в них выражаются потребность человека в изменении жизненного мира (и в самосозидании), а также практические шаги в созидании будущего.

5. На основе философско-антропологического подхода новация и инновация представлены как различные способы отношения человека к своему собственному будущему и будущему мира. В философско-антропологическом ракурсе новация связывается с конструированием человеком образа себя будущего и осознанное стремление к воплощению этого образа, а инновация – с пролонгированным использованием новшества,

обеспечивающего человеку функционирование в качестве социально значимой единицы.

6. Осуществлена экспликация образов человека будущего в дискурсах трансгуманизма и иммертологии – «*homo immortalis*», трансчеловека, «е-существа», «постчеловека», «неочеловека». Выявлено, что эти образы являются логическим следствием редукции целостности человека до какого-либо одного из его измерений – сознания (отождествляемого с интеллектом и информацией), телесности, когнитивных способностей.

7. Предложена классификация стратегий трансгуманизма и иммертологии, с которыми связаны образы человека будущего – модернизация тела (имплантация, трансплантация, киборгизация) и отказ от тела (цифровизация личности, голографирование тела). Трансформация внутреннего мира обусловлена, в свою очередь, изменением когнитивных способностей и размещением «копии» сознания (личности) в Сеть.

8. Осуществлен анализ представлений трансгуманистов и иммертологов о возможных отношениях «человека» будущего (неочеловека, трансчеловека и т. д.) и *homo sapiens*; на основании результатов проведенного анализа определен спектр сценариев потенциального сосуществования человека и «постчеловека».

9. В научный оборот введен термин «антропология инноваций», содержательно раскрытый как специфическая установка мышления и практической деятельности, ориентированная на поиск способов и средств достижения баланса между ценностями изменения и сохранения по отношению к способам существования человека в инновационную эпоху, ценностно-смысловую детерминацию созидательной деятельности человека.

10. Антропология инноваций определена как вид гуманитарного знания, интегрированного в философию инноваций, и органично связанный с аксиологией. Обосновано, что антропология инноваций как вид знания призвана ответить на вызовы, связанные с приоритетом инновационно-технологической установки, и противопоставить ей инновационно-антропологическую установку с акцентом на человеке и смысле его деятельности в ориентации на будущее.

11. Образование представлено в качестве инновационной стратегии, конечный гуманитарный смысл которой заключается в сохранении, воспроизводстве и развитии человека в его уникальной целостности. Содержательно раскрыто стратегически значимое направление развития образования – футуризация. Сформулированы предложения по внедрению принципов футуризации в систему основного, высшего и послевузовского образования.

Положения, выносимые на защиту:

1. В антропологически-онтологическом аспекте будущее – модус времени существования человека, сфера возможного (потенциальная реальность), в отношении к которой человек задает параметры, исходя из представлений о себе ином, конструирует альтернативные наличному бытию

«возможные миры». В аксиологическом аспекте будущее предстает для человека как новое, открывающее перспективы для качественно иного, в сравнении с действительным, способа существования. Отношение человека к будущему (прежде всего, к собственному) реализуется на двух взаимосвязанных уровнях: мысленно-образном (проброс) и практическом (путь). Осуществляя проброс, человек переходит от представлений о себе наличном к представлениям о себе возможном как качественно ином (будущее приобретают качества ценности и ориентира), «пред-полагает» себя будущего для совершения пути, выдвигает цель движения с сознанием того, как может быть, соотносясь со своими желаниями и стремлениями. В пробросе человек будущего существует как образ, а в пути – реальном движении навстречу этому образу, навстречу возможному и должному – реализуется отношение между этим предварительно сконструированным образом и наличным состоянием. В эпоху инноваций возрастает значимость осмысленности пути и персональной ответственности за принимаемые в этой связи решения, прежде всего, ради предупреждения возможной дезориентации («футурошока» или «футурофобии») человека в условиях радикальных технологических, экономических и иных перемен.

2. Человека будущего возможно интерпретировать как образ, возникающий в пространстве отношения человека настоящего к себе возможному. Образы, задаваемые инновационными стратегиями, являются дискурсивными конструкциями, возникающими и функционирующими в пространстве публичности. Образ человека будущего (как дискурсивная конструкция) создается ради тех или иных целей и нагружается идеологическими коннотациями, обслуживающими партикулярные интересы. Дискурсы о человеке будущего задают рамки индивидуального развития, предписывают направление и дают рецептуру изменений. Поскольку будущее есть ценность, постольку сообщества ведут борьбу за обладание этой ценностью.

Иная интерпретация связана с пониманием человека будущего как результата самосозидания. Оно выражается не в безоговорочном принятии или копировании социальных образцов, а в поиске собственного ориентира движения, осуществлении собственных пробросов в будущее, в четком понимании того, «как должно быть» и в реально осуществляемом движении в будущее. Самосозидание себя как целостности сопрягается для человека с персональной ответственностью за выбор пути в будущее.

3. Путь в будущее на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях в современности неразрывно связан с новациями и инновациями. В истории культуры значение терминов и область их применения менялись. Термин «новация» преимущественно употреблялся в государственно-правовом контексте и относился к изменению договорных обязательств. В XX в. слово «новация» стало употребляться вне юридического контекста, применительно к словотворчеству, изобретательству, инженерной деятельности и т. д. и использовалось применительно к широкому спектру видов человеческой

деятельности. Слово «инновация» вошло в оборот в новоевропейской философии. Им обозначались изменения государственного и общественного порядка (прежде всего, политические и религиозные реформы), публичной жизни, языка, религиозных практик. В XX в. новациями и инновациями стали называть результаты технической деятельности (изобретения), словотворчества (неологизмы), смысловотворчества (методы, подходы, концепты, концепции, теории) и самотворчества (мировоззренческие новации). Новации и инновации понимались в качестве идей, концептов, теорий и методов, оказавших значительное влияние на мировоззрение и культуру. Анализ философских трудов прошлого дает основания утверждать, что эти феномены выходят за границы только материально-продуктивной деятельности. Философский ракурс позволяет говорить о новациях и инновациях как об универсальных средствах движения в будущее через создание, утверждение и воспроизводство нового, то есть того, что превосходит наличные формы. Новации и инновации принципиально важны, поскольку они связаны с движением человека в будущее, с перспективой его жизни.

4. Как универсально-продуктивное существо человек создает новации на различных уровнях предметности. В мире вещей новации и инновации изменяют предметно-практическую деятельность человека, модернизируют материальное производство и обеспечивают, прежде всего, явные перемены в вещественно-предметном мире. На ценностно-смысловом уровне они, в свою очередь, выражаются в смысловотворчестве и идеалотворчестве, создании различных норм, воздействуют на мировоззрение человека, на его отношение к миру и самому себе. Ценностно-смысловые новации выступают в качестве ценностных регулятивов, мировоззренческих парадигм, смысловых горизонтов, так как с ними связан принципиальный и осмысленный выбор перспективы существования человека и человечества. В современных реалиях деятельность человека оценивается преимущественно мерками материально-производственной продуктивности. В определенной степени доминированию этой меры способствуют ориентация науки и образования на коммерческие проекты и продукты. Тем не менее, именно образование позволяет расширить представление о продуктивности человеческого существования.

5. Независимо от конкретного содержания, новацию и инновацию возможно интерпретировать как универсальные способы движения в будущее. Новация всегда связана с трансцендированием, выходом за границы наличного, а также с перерывом постепенности в развитии личности. Инновацию, в свою очередь, можно интерпретировать как пролонгированное использование новшества, обеспечивающее оптимальное существование личности как социально значимой единицы. На надындивидуальном уровне новации и инновации являются индикатором общественного прогресса и локомотивом социальных трендов. На индивидуальном уровне новации и инновации выступают способами

отношения к будущему, феноменами жизненного мира конкретного человека. Новации на данном уровне можно интерпретировать как новшества, значимые для преобразования человека, качественно его меняющие; на их основе перестраиваются элементы в структуре материально-предметного и духовного мира. На индивидуальном уровне новации и инновации могут иметь различный масштаб, а личная ответственность человека за собственную продуктивную деятельность становится социально значимым явлением. Понимаемая как способ отношения к будущему, новация связана с осмысленным, осознанным движением человека навстречу образу самого себя будущего, а потому предполагает усилия, созидательную активность. Инновации на индивидуальном уровне отношения к будущему предполагают перестройку элементов жизненного мира, мира вещей, смыслов и ценностей обусловленную внедрением новшеств в собственный опыт.

6. В научных разработках и идеологических программах трансгуманистов и иммортологов существуют различные образы человека будущего – «трансчеловек», «постчеловек», «неочеловек», «*homo immortalis*» и «е-существо». Каждый из них позиционируется в качестве единственно возможного ориентира для изменения (фактически отмены) человека и каждый сопровождается соответствующей рецептурой. Инновационные стратегии, делающие ставку на развитие гуманоориентированных технологий (клонирования, киборгизации, цифровизации сознания и др.) не исходят из понимания человека в его целостности, но редуцируют последнего до «сознания», «информации», «биологической машины», «интеллекта» и т. д. Философское осмысление содержания идей трансгуманизма и иммортологии должно начинаться с вопросов о ценностных основаниях предполагаемых изменений: чем жертвуют и что сохраняют в человеке инновационные стратегии? Ради чего осуществляются желаемые трансформации? Будет ли человек, не соответствующий гипотетическим новациям, вообще уместен в будущем?

7. Трансгуманизм и иммортология предлагают три сценария будущего человеческой природы: во-первых, поддержание биологических процессов средствами клонирования, имплантации и трансплантации; во-вторых, модернизация тела с приживлением неорганических структур, в-третьих, – ликвидация биологического в человеке. «*Homo immortalis*» – исторически ранняя вариация первой стратегии. «Трансчеловек» и «Е-существо», в свою очередь, являются вариациями второй стратегии. Образы «постчеловека» и «неочеловека» возникли в контексте третьего сценария. Необходимость трансформаций тела обосновывается возможностями продления жизни и борьбы с болезнями и патологиями. Внутренний мир человека редуцирован до когнитивных способностей и интеллекта (концентрации внимания, улучшения памяти и вычислительных способностей и др.). Ключевыми стратегиями развития указанных способностей являются «инъекция» (чипизация, медикаментозные препараты и др.) и цифровизация сознания.

Инновационные стратегии, использующие hi-hume, фундированы идеей несовершенства природы человека и верой в необходимость перехода человека на качественно иной уровень развития.

8. Социокультурное бытие гипотетических существ иммертологии и трансгуманизма может быть описано в категориях индивидуализма и автономности (безоговорочного приоритета частной жизни над совместно-социальной), свободы от общественных норм и правил. В трансгуманистических дискурсах проблема сосуществования человека и постчеловека не ставится и не решается. Основываясь на косвенных замечаниях трансгуманистов и иммертологов, можно выделить три сценария сосуществования человека и существ будущего: «Матрица», «Добрые боги» и «Бифуркация». Модифицированная природа человека, как следствие, меняет весь мир человека, оказывающегося в положении «рудимента» эволюции.

9. В условиях популяризации трансгуманистических стратегий, совершенствования hi-hume, внедрения технологий в природу человека, необходим комплексный гуманитарный ответ на вызовы инновационной эпохи. Антропология инноваций может быть определена как гуманитарно-антропологическая установка мышления и деятельности человека. Сущность этой установки заключается в ориентации человека на достижение и поддержание баланса между ценностями изменения и сохранения по отношению к способам существования человека в инновационную эпоху, между искусственным, спроектированным, с одной стороны, и самоценным, обладающим собственными потенциями бытия, с другой стороны. Для достижения такого баланса антропология инноваций ориентирует новатора на ценностно-смысловой горизонт мышления и акцентирует внимание на соответствующих основаниях созидательной деятельности. Антропология инноваций направлена на поддержание оптимального соотношения между прагматическим, вычисляющим мышлением и рефлексивным, критическим мышлением. Она предполагает комплексную аналитику «инновационистских» дискурсов с точки зрения их внутренней логики (прежде всего, определения ключевых понятий), соответствия объективным условиям (уровню научно-технического развития, законодательству, уровню готовности общества и т. д.) и наличия ценностно-смысловых оснований инноваций, проектов, идей. Антропология инноваций ориентирована на демифологизацию культов научной рациональности и технологического прогресса.

10. Антропология инноваций представляет собой вид гуманитарного знания, результат осмысления инноваций в контексте способов совместного и индивидуального бытия людей. Предметное поле антропологии инноваций связано с совокупностью антропологически значимых, проблемных вопросов инновационной деятельности и ее результатов, с перспективами существования человека в контексте инновационных стратегий. Задача антропологии инноваций предполагает понимание универсальности

инноваций, и, главным образом, связывается с постановкой вопросов об идентичности, самоопределении и целостности человека перед лицом инновационных стратегий. Предметом антропологии инноваций является человек в его целостности, в единстве телесной природы, социокультурного бытия и душевно-духовного мира, человек в его отношении к будущему. Антропология инноваций органично связана с философией инновацией, аксиологией, так как отвечает на проблемные вопросы, учитывая особенности ценностного мира человека в эпоху инноваций, с прогнозированием, так как предполагает определение перспектив существования человека. В фокусе внимания антропологии инноваций находится человек как субъект и объект инновационной деятельности. Все, что связано с ценностным миром человека, приобретает большое значение в условиях инновационной «гонки».

11. Образование является инновационной стратегией, направленной на воспроизводство целостности человека, и консолидирует предельно общие гуманитарные смыслы. Оно ориентировано на будущее как на ценность и является стратегически значимым средством становления, воспроизводства, развития, обновления человека как человека. Средством формирования ответственного, участного отношения человека к будущему как к коллективной и индивидуальной ценности может выступить образовательная стратегия футуризации. Футуризация ориентирована на достижение согласия между ценностями изменения и сохранения, созидательной деятельностью и критикой самой деятельности и ее результатов. В конечном счете, образование (и футуризация в частности) создает условия для ответа на вопрос, как быть самостоятельным по отношению к будущему в мысли и действии и при этом участно и ответственно относиться к самоизменению и изменению мира.

Теоретическая и практическая значимость работы. В диссертационном исследовании разработана концепция антропологии инноваций, представленная в двух аспектах: в качестве гуманитарно-антропологической установки мышления и деятельности и в качестве вида гуманитарного знания. Обосновывается, что антропология инноваций может выступать как антропологическая платформа для образования – альтернативной инновационной стратегии, особенно значимой в ситуации интенсификации воспроизводства инноваций и развития «hi-hume» технологий. Содержательная разработка антропологии инноваций является необходимой на теоретическом уровне и значимой в условиях интенсивного внедрения научно-технологических и технических новаций, а также в условиях популяризации стратегий радикального изменения природы человека.

В свете антропологии инноваций образование определяется как сфера и пространство общественной жизни, где создаются возможности инноваций применительно ко всему, что связано с бытием человека. Образование вооружает человека знаниями, навыками, умениями и компетенциями, что

обеспечивает возможности, с одной стороны, инновационно существовать, инвестировать в себя, позволяет человеку раздвигать собственные границы, осуществлять самотрансцендирование, а с другой стороны, адаптироваться к стремительно меняющимся условиям. Самотрансцендирование является естественной основой самоизменения, преодоления наличных способов существования. Образование обеспечивает человека средствами к сознательному самоизменению и ответственному изменению окружающего мира. В инновационных ситуациях образование призвано сохранять человека человеком, исходя из признания его универсальности. Образование – это и сфера сохранения, и сфера инноваций, обращенных к человеку.

Предложенная автором трактовка антропологии инноваций может углубляться и расширяться. Одним из направлений исследования может стать разработка способов и мер реализации антропологии инноваций как варианта гуманитарного знания. Важен и вопрос практического применения выводов диссертационного исследования в реальной жизни. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты и выводы могут быть использованы для гуманитарной экспертизы «hi-hume»-проектов и технологий с целью предотвращения угроз и риска необдуманных экспериментов с телом, мозгом, когнитивными и другими способностями человека. Критическое мышление должно служить инструментом, позволяющим взвешенно оценить возможную опасность применения НБИК-технологий и уберечь человека от безвозвратных процессов перестройки его природы.

Результаты работы можно применить для разработки программ социокультурного развития и комплекса конкретных мер, сдерживающих некоторые, потенциально опасные, направления экспериментирования. Теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии, философии науки и техники, культурологии и социологии и вузах, а также для разработки специализированных курсов по проблематике философской антропологии, философии культуры, социальному проектированию и социальной философии.

Достоверность результатов диссертации подтверждается постановкой проблемы, определением предмета, позволяющим выявить и обозначить важнейшие характеристики объекта, определением цели и задач, на основании чего была предложена концепция образования как альтернативной инновационной стратегии, корректным использованием понятийно-категориального и терминологического аппарата, методологии философии и науки, большим объемом проанализированной научной и философской литературы по соответствующей проблематике.

Апробация работы. Основные тезисы диссертационного исследования обсуждались на теоретических семинарах кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры и на кафедре философии Южно-Уральского государственного университета. Автором

организованы и проведены круглый стол, приуроченный к Семнадцатому Славянскому научному собору «Урал. Православие. Культура» (Челябинск, 2019 г.); круглый стол «Человек в цифровую эпоху», приуроченный к Всемирному дню философии (Челябинск, 2020 г.). Некоторые идеи диссертации изложены на XXIV Всемирном философском конгрессе (Китай, г. Пекин, 2018 г.), XV международной конференции по философской практике (Мексика, г. Мехико, 2018 г.), международных междисциплинарных научных конференциях «SGEM Social Sciences & Arts» (Болгария, Албена, 2017-2018 гг.) и обсуждались на шестом (Нижний Новгород, 2012 г.) и седьмом (Уфа, 2015 г.) российских философских конгрессах; третьей международной научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании 2018» (Ростов-на-Дону, 2018 г.), на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, 2011-2019 гг.), на международных научно-творческих форумах «Молодежь в науке и культуре XXI в.» (Челябинск, 2012-2019 гг.), международных научно-практических конференциях «Философия и наука» (Екатеринбург, 2016-2019 гг.), международных научных конференциях «Бытие человека: проблема единства в многообразии современного мира» (Челябинск, 2018-2019 гг.).

Материалы диссертации использовались автором при чтении лекций по философии, философии научного знания и философии технических наук в Южно-Уральском государственном университете (2012-2020 гг.).

Общее число публикаций по теме диссертации составило 39 общим объемом около 37 п. л., в том числе 4 статьи по теме диссертации в журналах, индексируемых в «Scopus» и «Web of Science», 1 монография и глава в коллективной монографии и 22 статьи в журналах, включенных в реестр ВАК МОиН РФ.

Структура и объем диссертационной работы. Структура диссертационного исследования определена поставленными целью и задачами: состоит из введения, четырех глав, первая из которых включает два, а последующие – три параграфа, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 354 страницы. Список литературы включает 369 наименований, в том числе 59 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, обозначаются его объект и предмет, определяется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, указываются его методологическая и теоретическая основы, характеризуется научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость исследования.

Содержание каждой главы и параграфов диссертационного

исследования посвящено последовательному решению поставленных задач.

В главе 1. «**Будущее человека и человек будущего: философско-антропологическая интерпретация**» будущее рассматривается в онтологическом и антропологически-аксиологическом аспектах, концептуализируются уровни отношения человека к будущему. На основе философско-антропологического подхода человек будущего интерпретируется как образ, конструирующийся в пространстве отношения человека настоящего к себе возможному; в соответствии с этим определением обозначены варианты интерпретации человека будущего.

В параграфе 1.1. «**Будущее как модус времени существования человека**» осуществляется демаркация онтологического и антропологически-аксиологического аспектов понимания будущего. В онтологическом аспекте будущее является сферой возможного и описывается категорией «потенциальная реальность», выражающей тенденцию становления на основе определенных закономерностей развития. Объективные закономерности становления будущего являются предметом прогнозирования, а также прогностических процедур («сценарирования», «форсайт-технологий», «конструирования» и т. д.). Наука не принимает во внимание то обстоятельство, что будущее является не только «модусом», но и временем существования человека и, следовательно, имеет антропологическое и аксиологическое измерения. Однако в философии будущее, в свою очередь, долгое время не выделялось в качестве особого предмета осмысления.

В XX в., преимущественно в «фундаментальной онтологии» (М. Хайдеггер) и философии экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти) будущее стало предметом особого внимания. Первая интерпретирует будущее как экстаз изначальной, подлинной временности. В «заступающей» решимости, «бытии-к», происходит выход за границы настоящего, наличного. Всякий раз осуществляя «экстаз» (М. Хайдеггер), Dasein проектирует, или набрасывает свои возможности. В экзистенциализме бытие человека интерпретируется как «проект» (Ж.-П. Сартр), основанный на необходимости постоянного выбора человеком самого себя и мира.

В антропологически-аксиологическом аспекте будущее предстает уже не как сфера возможного, а в качестве горизонта возможностей. Человек «заглядывает» в будущее, осознавая определенные возможности и «примеряя» их на самого себя. На первый план в обозначенном аспекте выходит отношение человека к будущему (прежде всего, к собственному), не сводимое к его определениям в науке и к прогнозированию развития объективно существующих тенденций.

В результате философского обобщения можно выделить два взаимосвязанных уровня отношения человека к будущему – уровень проброса и уровень пути в будущее. На первом уровне человек мысленно переходит от представлений о действительном, актуальном, данном, к представлениям о возможном, от старого к новому, от уже существующего к

еще не существующему. Совершая пробы, человек формулирует цели, намечает ориентиры движения, соотносясь со своими желаниями и возможностями, связывая с будущим определенные надежды (Э. Фромм). Человек связывает будущее с качественными изменениями условий наличного бытия, с выходом на уровень нового качества для себя. Путь, в свою очередь, является совокупностью целенаправленных, совершаемых в соответствии с намеченным ориентиром, практических действий.

В эпоху «турбулентности» (Э. Тоффлер), «инновационной гонки» (В. Б. Кондратьев), популяризации инновационных стратегий (в том числе, ориентированных на радикальную трансформацию природы человека) осмысление пути в будущее имеет принципиальное значение и требует, как и сам путь, значительных усилий. Понимание человеком ценностных ориентиров собственного движения не является излишним – напротив, оно необходимо для формирования ответственного отношения человека к миру и самому себе.

В параграфе 1.2. «Человек будущего в философско-антропологическом ракурсе» дана дефиниция человека будущего как образа, конструирующегося в пространстве отношения человека настоящего к себе возможному. Невзирая на множественность этих образов, можно предложить два варианта интерпретации человека будущего. Первый вариант интерпретации связан с образами, функционирующими в пространстве публичности. В этом случае образ человека будущего есть не что иное, как дискурсивная конструкция, создаваемая для определенных целей и сопровождаемая рецептурой – указаниями на то, каким образом и в каком направлении необходимо меняться. Как правило, картины будущего, предполагающие рецептуру изменений, имеют «суггестивный заряд», а их создатели повелевают следовать определенному ориентиру (Ж. Лакан). Дискурсивные конструкции преследуют «вторичные коммуникативные цели» (Р. Барт). Благодаря коннотациям, сконструированный образ превращается в «предмет потребления» (Р. Барт). Коннотированные образы могут в определенной мере удовлетворять потребности в преодолении страха смерти и надежде на бессмертие, в преодолении физической ограниченности человека. Среди часто применяемых способов суггестии можно назвать отсылку к авторитетному мнению, настойчивое повторение сообщения, ссылки на традицию, историю, интерпретацию мнения оппонента, доведение смысла этого мнения до абсурда и т. д. Образы человека будущего конструируются с помощью «кодов» (Ю. М. Лотман, Р. Якобсон и др.) истории, религии, мифологии, науки и т. д. Ориентируясь на кем-то написанный рецепт, высказанную идею или чей-либо образ жизни как на образцы, человек, тем самым, препоручает себя другому. В безоговорочном следовании образцам таятся риск утраты самости, а также угроза самоотчуждения (Э. Фромм). Человек, в конечном счете, рискует утратить главную возможность – быть творцом своей собственной жизни. Определяющее решение принадлежит всегда человеку как *проектанту*

собственного будущего: кто я, какое место я занимаю перед лицом инновационных стратегий?

Второй вариант интерпретации связан с пониманием человека будущего как результата самосозидания. Путь в будущее возможен не только из того или иного дискурса, вооружающего понятиями и идеями, целью и задачами, но и как реализация собственного автопроекта, последовательность осознанных выборов, каждым из которых человек определяет себя самого. Этот путь – путь самосозидания – требует от человека осмысления каждого шага, связанного с сознательным самоизменением, и ответственности за выбор. Самосозидание не может осуществляться за счет некритического принятия социальных образцов, рецептов, планов и идей, а требует приложения значительных усилий, способности к продумыванию, концентрации внимания, критического мышления, принятия взвешенных решений. В самосозидании вызревает личное начало человека, становящегося самостоятельным субъектом.

В настоящее время путь в будущее в общественном сознании устойчиво связывается с инновациями. Инновации стали едва ли не высшей ценностью современного общества. Некоторые из них приобретают статус стратегий и предполагают пошаговое, методичное достижение определенного уровня развития. Не без основания можно утверждать, что современное цивилизованное человечество живет в эпоху инноваций и инновационных стратегий, с невиданными ранее возможностями и одновременно проблемами.

В главе 2 «**Новации и инновации в контексте будущего человека**» на основании анализа философских произведений Нового времени и XX в. (на оригинальных языках) понятия новации и инновации выведены за границы их определений в экономической и материально-технической сферах жизни; на основе философско-антропологического подхода новации и инновации определены и представлены как универсальные средства обновления мира человека и различные способы отношения человека к собственному будущему и будущему мира.

В параграфе 2.1. «**Новация и инновация: историко-философский аспект**» новации и инновации рассмотрены в исторической ретроспективе. Анализ исторических документов Античности (например, кодексов Ульпиана, Гая и Юстиниана) дает основания для утверждения, что термин «новация» преимущественно употреблялся в государственно-правовом контексте и был связан с изменением договорных обязательств. На протяжении продолжительного времени этот термин не выходил за пределы правового контекста. В XX в. слово «новация» стало употребляться применительно к словотворчеству, изобретательству, инженерной деятельности и использовалось в отношении к широкому спектру видов деятельности. Благодаря европейской философии Нового времени (Ф. Бэкон, И. Бентам, А. Фергюсон, Д. Дидро, Д. Юм и др.) в оборот вошло слово «инновация».

Общепринятое в настоящее время понимание инновации выкристаллизовалось в условиях капитализма в начале XX в. Инновацией называли и называют особый вид блага – товар или услугу, имеющие признак новизны и принятые, усвоенные обществом в качестве экономического блага и, следовательно, регулярно расходуемые в потреблении. Однако в философии Нового времени инновациями назывались значительные, масштабные изменения государственного и общественного порядка (главным образом, политические и религиозные реформы, воздействующие на все общество в целом), языка, религиозных практик. В частности, в «Опытах» Ф. Бэкона, инновация – это общественное преобразование, переустройство социального целого, влияющее на жизнь каждого из членов общества. Философ называл инновацией реформу, влияющую на общественное устройство и обусловленную необходимостью изменения существующих порядков. В «Истории Англии» Д. Юм употреблял слово «инновация» в контексте религиозных реформ. Описывая события эпохи Реформации, Д. Юм писал о «духе религиозной инновации». Схожее понимание инновации встречается у Вольтера, Т. Пейна, И. Бентама, Д. Гленвилла и С. Кларка. В начале XIX в. А. Фергюсон употребил термин «инновация» в контексте словотворчества. В «Размышлениях об истории гражданского общества» автор критиковал современных философов, изобретавших новые термины и тем самым намеренно и необоснованно усложнявших свои идеи. Это «изобретательство» новых сущностей А. Фергюсон назвал «языковыми инновациями».

В XX столетии новациями и инновациями стали называть (прежде всего, в философии) не только результаты технической и экономической деятельности, но и словотворчества, а также теории, концепции, методы, подходы и даже результаты самотворчества (мировоззренческие новации). В трудах американских и европейских философов (А. Уайтхеда, Т. Куна, Д. Дьюи, Т. Парсонса, Б. Рассела, И. Р. Пригожина, Ж. Бодрийера и др.) новации и инновации понимались в качестве идей, концептов, теорий и методов, оказавших значительное влияние на культуру и мировоззрение. Анализ философских трудов прошлого дает основания утверждать, что эти феномены выходят за границы только материально-продуктивной деятельности. Философский взгляд на новацию и инновацию позволяет говорить о них как о феноменах ценностно-смыслового уровня бытия человека, способах творческого преобразования мира и самоизменения.

В параграфе 2.2. «Новации и инновации в предметно-вещественном и ценностно-смысловом измерениях человеческого существования» обосновывается, что человек как универсально-продуктивное существо создает новации на различных уровнях предметности. Они являются основанием его идентификации. В мире вещей новации и инновации трансформируют предметно-практическую деятельность человека, модернизируют материальное производство и обеспечивают перемены в вещественно-предметном мире. На ценностно-

смысловом уровне, человек создает нормы и правила, идеалы и смыслы, влияющие на мировоззрение, определяющие его отношение к миру и самому себе.

В философии XX в. было распространено убеждение, что существование человека, захваченного материально-техническим производством, находится в кризисе. В частности, М. Хайдеггер утверждал, что человек поставил себя на службу технике и может быть измерен отныне специфической технической «меркой». Э. Фромм полагал, что человеку не знакомо «искусство быть» в противовес «искусству иметь». Эти и другие мыслители (Ж. Эллюль, Д. Ваттимо, Ж. Агамбен) говорили о кризисе духовности. Они утверждали, что в действительности в мире человека имеют место не только вещи, но и смыслы. Идеи обозначенных философов XX в во многом сохранили свою актуальность. Существование человека как человека невозможно вне предметно-вещественного и ценностно-смыслового измерений. В связи с этим вопрос о том, живет ли фактически современный человек в различных измерениях, существенно обостряется. В условиях дисбаланса между уровнями существования человека чрезвычайно важно, чтобы о новациях и инновациях было возможно говорить и в отношении к ценностям и смыслам. Ценностно-смысловое измерение (и это характерный «симптом» современности) оказалось стянутым на конкретную результативность.

Деформация ценностно-смыслового измерения существования человека предопределяет особое отношение к будущему – как к пространству реализации планов и проектов. Современный человек не только рассчитывает на изменение экономических, социальных, политических условий или культурной ситуации, но и на изменение своей природы. Он хочет контролировать эволюцию и управлять каждой клеткой своего организма. Инновационные стратегии трансгуманизма и иммортологии ориентируют человека на конкретный результат – модификацию тела (в неопределенной перспективе – отказ от него), на синтез с механическим, машинным.

На ценностно-смысловом уровне новации и инновации выражаются в творчестве и «продвижении» в обществе новых социально значимых «трендов», влияют на общественные нормы и идеалы, на мировоззрение человека, на его отношение к миру и самому себе. Новации и инновации обоих обозначенных измерений жизненно важны, поскольку они связаны с движением человека в будущее, с перспективой его жизни. Значимость ценностно-смысловых новаций заключается в том, что они являются ценностными регулятивами, мировоззренческими парадигмами, смысловыми горизонтами. С ценностно-смысловыми новациями связан принципиальный и осмысленный выбор перспективы существования человека и человечества.

В виду доминирующих прагматических ценностей современной культуры новации и инновации тоже понимаются в духе прагматизма. В сложившихся условиях деятельность человека оценивается преимущественно

мерками материально-производственной продуктивности, а сам человек выступает в роли «генератора» потенциально успешных (коммерческих) идей. В определенной степени доминированию этой меры способствуют ориентация политики, науки и образования на коммерческие проекты и продукты. Тем не менее, именно образование позволяет расширить представление о продуктивности человеческого существования.

В параграфе 2.3. «Новация и инновация как способы отношения человека к будущему» на основе философско-антропологического подхода новация и инновация определяются в качестве различных способов отношения человека к собственному будущему и будущему мира.

Философско-антропологический ракурс позволяет прочно связать новацию с выходом за границы наличного, перерывом постепенности в развитии человека как личности, обладателя личного начала. Понимаемая как способ отношения к будущему, новация связана с осмысленным, осознанным движением человека навстречу образу самого себя будущего, предполагает созидательную активность и требует приложения значительных усилий. Инновацию, в самом общем виде, возможно определить как пролонгированное использование новшества, которое обеспечивает оптимальное существование личности как социально значимой единицы. Инновации на индивидуальном уровне отношения к будущему предполагают процесс внедрения, трансформацию элементов жизненного мира, обусловивших качественные изменения как внешнего, так и внутреннего мира, мира вещей и смыслов, ценностей, видение мира «другими глазами»; инновация отвечает определенным запросам и нуждам человека.

Новации и инновации, рассмотренные на надиндивидуальном уровне отношения к будущему, являются локомотивом общественного прогресса и социальных (в частности, технико-технологических) трендов. Более того, инновации (прежде всего, инновации) стали «частью повседневности» (В. Д. Цветкова). На индивидуальном уровне они являются феноменами жизненного мира и способами отношения конкретного человека к будущему. Новации на данном уровне являются новшествами, преобразующими, качественно меняющими человека. Принципиально важно, что на их основе перестраивается ценностный мир человека. Новацию и инновацию можно представить не как экономические или инженерные категории, а как универсальные способы отношения к миру. Человек как трансцендирующее и эксцентрическое существо (Х. Плеснер) переходит свои границы, взаимодействует с миром. Независимо от содержания, новация и инновация в качестве способов отношения человека к будущему принципиально отличны от пассивного ожидания, индифферентного или, напротив, алармистского отношения к будущему. В зависимости от масштабов новаций и инноваций меняется и степень личной ответственности человека за собственную продуктивную деятельность. Чем больше масштаб и претенциозность новшеств, тем значимее становится личная ответственность человека за собственные мысли и действия. Идея этической и гуманитарной экспертиз

недвусмысленно говорит о том, что деятельность новатора и инноватора является социально значимым явлением, а потому должна быть органично связана и с ответственностью.

Современный человек проектирует и планирует, а также имеет возможности для кардинального изменения своего тела и когнитивных способностей. На первый взгляд, человек очень критично относится к себе – он с неудовлетворенностью признает себя наследником эволюции, носителем программы инстинктов, обладателем ограниченных способностей и т. д. Вместе с тем, его деятельность как ученого и изобретателя нано, био, крио, когнитивных, информационных и иных технологий говорит о том, что человек, как никогда ранее, уверен в собственных силах. Не имея возможности познать себя до конца, исчерпывающе, человек «схематизирует» самого себя. Эта «схематизация» зависит от представлений человека о самом себе на том или ином конкретном историческом этапе, в ту или иную эпоху. Сегодня эти «схемы» во многом определяются практическими достижениями в области технических наук и информационными технологиями.

В главе 3 «Человек будущего в дискурсах о преобразовании природы человека» осуществлена экспликация и анализ образов человека будущего в инновационных стратегиях трансгуманизма и иммортологии. В фокусе внимания находятся телесная организация, социальное бытие и духовный мир транс- и постчеловека, нечеловека, homo immortalis и е-существа; предложена классификация стратегий трансгуманизма и иммортологии, предполагающих глубокое воздействие на человеческое тело; анализируются гипотетические сценарии возможных отношений человека и постчеловека.

В параграфе 3.1. «Образ человека будущего в трансгуманизме и иммортологии: экспликация первого уровня» утверждается, что инновационные стратегии трансгуманизма и иммортологии являются наследниками механицистской парадигмы Нового времени, изменившей не только представления человека о мире, но и о самом себе. В этой парадигме человек стал интерпретировать себя как одно из тел природы в физическом и биологическом аспектах и пришел к мысли о том, что тело есть не что иное, как сложный механизм. В XX в. человек смог разгадать значительное число загадок своего собственного устройства. В эпицентре внимания оказалось тело – «ключ» к познанию самого загадочного существа Вселенной. Открытие микромира дало мощный импульс развитию цитологии, микробиологии и других областей знания. Человек мог рассмотреть свое тело в мельчайших (в буквальном смысле этого слова) подробностях. Во второй половине XX в. тщательному анализу подверглась макромолекула ДНК. Усилия законодателей различных стран (в том числе, и России), прежде всего, были брошены на запрет биологических экспериментов с человеком. По замыслу многих сторонников киборгизации и биоинженерии (Г. Моравека, Р. Курцвейла, сотрудников «фабрик мысли», Г. Маркрема, членов

общественного движения «Россия 2045» и др.), применение новых технологий не должно служить исключительно целям восстановления нарушенных функций организма или замены утраченных частей тела. В конце прошлого столетия на Западе возникла ассоциация трансгуманистов. Согласно основному тезису членов ассоциации (Н. Бостром, М. Мор, Д. Пирс), человек не является вершиной эволюции. Его же силами можно создать существо, превосходящее человека во всех физических и интеллектуальных возможностях. Трансгуманизм не просто пересказывает в упрощенном виде все то, что ученым удалось открыть в областях генетики, биологии, медицины, фармакологии и т. д., но говорит, как применить эти открытия, или как их определенным образом нужно и должно использовать. Трансгуманисты, по их же собственному убеждению, хотят любой ценой ликвидировать смерть и физические страдания человека. Однако за этим стоит и более амбициозная задача – подготовить «модифицированного потомка» человека (Н. Бостром) к «Эре Сингулярности» – времени самоуправляющегося, автономного технико-технологического прогресса. Подавляющее число зарубежных и отечественных трансгуманистов убеждено в том, что это время наступит уже в ближайшем будущем. Категорическое препятствование Сингулярности заведет человечество в новые «темные века» (Д. И. Дубровский, Д. И. Ицков). Таким образом, стратегия трансгуманизма предлагает жесткую альтернативу – либо человечество деградирует, уничтожит экономические, политические, социальные отношения и культуру, либо пойдет по пути контроля над эволюционным процессом и модифицируется в новую – «человекомашинную» и (в отдаленной перспективе) электронную – форму жизни. Несущими конструкциями трансгуманизма являются образы существ будущего – далеких «модифицированных» потомков человека. Наиболее известные из них – «Transhuman» («трансчеловек»), «Posthuman» («постчеловек»), «Homo Immortalis» («Человек Бессмертный»), «E-Creature» («е-существо»), «Neohuman» («неочеловек»).

В диссертации сделано заключение, что на них стоит «печать» механицистской парадигмы. Отбросив метафизику души и духа, «очистив» человека от «пережитков» религии и идеалистической философии, трансгуманисты свели человека к «прибору» для обработки информации, снабженному «датчиками» – органами чувств (Н. Бостром, А. А. Болонкин) и имеющему сознание (трансгуманисты либо не проясняют, что подразумевается под сознанием, либо отождествляют сознание с интеллектом и даже с объемом информации).

В параграфе 3.2. «Телесная организация и духовный мир человека будущего в контексте инновационных стратегий преобразования человеческой природы» предложена классификация стратегий трансгуманизма и иммортологии в отношении тела человека. Установлено, что тело в обозначенных инновационных стратегиях выступает в качестве объекта инженерии с применением hi-hume. На основании предполагаемых

перспектив существования человеческого тела были выделены два вида инновационных стратегий: направленные на модификацию тела и ориентированные на отказ от тела.

В стратегиях первого вида приоритет отдается достижениям в области генетики, и, в частности, генетического скрининга, практике пренатальной диагностики, суррогатному материнству, оплодотворению *in vitro* и т. д., которые оцениваются трансгуманистами в качестве пионерских технологий. Анализ содержания научных проектов такого рода позволяет утверждать, что официально обозначаемые исследовательские задачи фактически могут быть не единственными и даже не основными. Представляется, что исследование и полная фиксация генома человека в трансгуманизме является рабочей задачей, предваряющей деятельность по воздействию на геном. Одной из приоритетных задач цивилизованных людей является «генетическое улучшение» (Н. Бостром) рождающихся поколений.

В результате анализа работ трансгуманистов выяснилось, что один из возможных ответов на вопрос, ради чего трансгуманисты планируют совершать эти «улучшения», заключался в так называемом «гедонистическом императиве» – искоренении страданий всех живых существ (в первую очередь, человека). Боль и страдания при этом интерпретируются трансгуманистами исключительно в физиологическом контексте (Д. Пирс, Н. Бостром) и детерминированы степенью приспособления генов к окружающей среде. По мнению Д. Пирса, счастье достижимо с помощью химических технологий и генетических манипуляций. Применение биологических технологий необходимо для создания трансчеловека (М. Эсфендиари) – переходного звена от человека к постчеловеку. В иммортологической стратегии, в отличие от трансгуманизма, биотехнологии должны обслуживать т. н. «практическое бессмертие» (И. В. Вишев), не предполагающее аннигиляцию тела. «Практическое бессмертие» противопоставляется религиозному догмату о загробной жизни, а также всем мистическим, спиритическим учениям, идеалистической философии, основывающимся на вере в «потусторонний мир». основополагающий тезис иммортологической стратегии заключается в том, что физическое бессмертие является абсолютной ценностью, не зависящей от расовой, национальной и культурной принадлежности человека. Иммортологи утверждают, что «практическое бессмертие» является ключом к подлинно счастливой жизни, так как открывает человеку путь к неограниченным возможностям. Распространенное мнение о том, что бессмертие может вызвать деструктивные реакции (прежде всего, скуку или депрессию), отвергается.

Биотехнологии на сегодняшний день открывают перед человеком невиданные ранее перспективы. Человек может искусственно воздействовать на собственные эмоции, вмешиваться в процессы зачатия и рождения ребенка, корректировать геном, перестраивать организм на клеточном и субклеточном уровнях. Однако, наряду с изменением генома человека, существует и иная инновационная стратегия, направленная на модификацию

тела посредством вживления неорганических элементов. В отличие от медицинского протезирования, киборгизация не была призвана решать задачи по оздоровлению организма или восстановлению утраченных частей тела. Замена органов искусственными элементами представлялась авторам необходимой для решения проблемы адаптации человека к тяжелым условиям (M. Clynes, N. Kline) – экстремально высоким и низким температурам, низкому и высокому давлению, гравитации, ландшафту и почве, природным катаклизмам. Киборгизация, по замыслу трансгуманистов, должна была служить космической экспансии потомков человечества.

Другая выявленная в работах трансгуманистов стратегия в диссертации условно названа как «отказ от тела». Трансгуманисты акцентируют внимание на том, что органическое в человеке смертно и разложимо, подвержено деформациям, а неорганическое, напротив, долговечно, прочно, стабильно и заменяемо. Из этого спорного тезиса следует, что все органическое в человеке в пределе должно быть заменено неорганическим. В 90-е гг. прошлого века возникла идея отделения сознания от мозга с последующим размещением сознания на небологическом носителе или в виртуальном пространстве. Анализ трансгуманистических работ дает основания для утверждения о специфичности представлений трансгуманистов не только о сознании, но и о личности. Эта специфичность заключается в том, что человеческое тело никаким образом не участвует в формировании личности. «Загрузка» позволит создавать резервные копии информационного контента (трансгуманисты называют этот контент «личностью») и тем самым будет обеспечивать бессмертие «виртуального тела». Результат второго пути называется в трансгуманистической литературе «постчеловеком», или «полностью искусственным интеллектом», «информационным паттерном» (Н. Бостром, Д. Пирс, М. Мор). Виртуальный человек обретет «электронное бессмертие» (А. А. Болонкин). Для этого, по мнению А. А. Болонкина, создателя другой дискурсивной конструкции («Е-существа»), необходимо записать всю историю жизни человека на чипы. После биологической смерти размещенную на чипах информацию можно загрузить в банк данных искусственного интеллекта. Впрочем, не будет необходимости дожидаться физической смерти – сменить среду обитания и облик можно и гораздо раньше.

Исследование трудов трансгуманистов показало, что духовный мир «человека» будущего конституируется ценностями вечной жизни, космополитизма, автономного технико-технологического прогресса. Человек будущего не должен преследовать партикулярные цели (М. Эсфендиари). Он будет обладать «глобальным» и даже «космическим» мышлением. Обстоятельного разьяснения этого тезиса у трансгуманистов нет, однако, они противопоставляют «глобальное» и «космическое» мышление мышлению современного человека, критикуя последнего за непонимание значимости глобальной интеграции. Глобально мыслящий человек не должен быть патриотом. По мнению трансгуманистов, патриотизм выражается в обиде

или агрессии в ответ на критику в адрес родины, в гордости за победу государства в войне и т. д.

В параграфе 3.3. «Социокультурное бытие человека будущего в трансгуманизме и иммортологии» социокультурное бытие гипотетических существ в иммортологии и трансгуманизме описывается в категориях индивидуализма и автономности, абсолютного приоритета частной жизни над совместно-социальной. Сторонники инновационных стратегий утверждают, что «человек» будущего освободится от всех установленных людьми норм и правил. На основании косвенных замечаний трансгуманистов и иммортологов в диссертации выделено четыре сценария сосуществования человека и «постчеловека»: «Матрица», «Добрые боги», «Бифуркация» и «Противостояние», в каждом из которых постчеловек оказывается неизменно доминирующим видом, имеет не только физическое, но и интеллектуальное превосходство над человеком.

Развивая свои концепции, трансгуманисты конструировали образы существа будущего, преодолевшего все «слишком человеческое», начиная от телесной ограниченности, а также ограниченности когнитивных способностей и заканчивая социальными катаклизмами (войнами, экономическим неравенством и т. д.). Эти образы выдаются трансгуманистами за образцы. Ввиду систематического противопоставления человека и «постчеловека» у критиков трансгуманистических притязаний и у самих трансгуманистов возникал вопрос о сосуществовании принципиально различных форм жизни – *homo sapiens* и *posthuman*.

Сценарий «Матрица» говорит о том, что непрерывно возрастающая мощность вычислительных машин может использоваться постлюдьми для создания компьютерных симуляций, в том числе симуляций далеких, «допостчеловеческих» эпох. Развитая цивилизация постлюдей, обладающая практически безграничными вычислительными мощностями, может создать множество симуляций собственной истории. Из этого положения может следовать, что человечество является ничем иным, как продуктом программирования.

По сценарию «Добрые боги» постлюди станут «добрыми богами», учителями и защитниками всего человечества. Существам далекого будущего не будут знакомы все человеческие ценности (Д. И. Ицков). Однако, по непонятным причинам, «неолюди» и их потомки будут ограничены писаными правилами, выступают в качестве учителей и наставников человечества, будут ответственны за развитие земной цивилизации. «Добрые боги» возьмут на себя также роль «защитников» человека. Возможно, потомки «неочеловека» будут защищать человечество от него же самого. Вполне вероятно, что «неочеловек» возьмет на себя осуществление цивилизаторской миссии.

В сценарии «Бифуркация» развивается мысль Н. Бострома о том, что постчеловек – совершенно незнакомое существо. Следовательно, о нем фактически ничего нельзя сказать наверняка. Постчеловек может быть

«идеальным» или «монстрообразным» (В. В. Удалова). Не трудно заметить, что в данном случае акцентируется внимание исключительно на крайностях. В первом случае постчеловек будет «добрым богом», защищающим людей от самих же себя и несущим свет знаний в массы. Второй вариант развития событий возможен в том случае, если технологии выйдут из-под контроля. Трансгуманисты имеют в виду не раз описанную в научной фантастике утрату контроля над «сильным» искусственным интеллектом.

Принципиальное сходство установок зарубежных и российских трансгуманистов выражается в утверждении, что человек не будет понятен для постчеловека. Даже оптимистический сценарий «Добрые боги» не исключает этого тезиса и не противоречит ему. Трансгуманисты пытаются посмотреть на человека глазами гипотетического существа будущего. Эта процедура в определенном смысле показательна и симптоматична: современный человек не понимает себя сам. Он жаждет собственного совершенства (прежде всего, бессмертия и знания обо всем), контроля над миром, тотального порядка, посягая на несоразмерные самому себе вещи. Чем сильнее он на них замахивается, тем более разочаровывается в своих усилиях. В результате он выглядит слабым перед самим же собой. Всесильный «потомок» человека и есть тот, кому человек вверил себя, убегая от ответа на важные вопросы: кто я такой? Каково мое место в мире? В чем мое предназначение? Делается вывод, что постчеловек – это «индикатор» обесценения человека, показатель ценностного и смыслового коллапса.

В главе 4 «Антропология инноваций: ответ вызовам современности» антропология инноваций представлена как гуманитарно-антропологическая установка мышления и практической деятельности человека и вид гуманитарного знания. Обосновывается, что антропология инноваций может выступать в качестве платформы образования – альтернативной инновационной стратегии, обеспечивающей сохранение и воспроизводство целостности человека в условиях инновационной эпохи. Содержательно раскрывается футуризация – технология, служащая интеграции антропологии инноваций в образовательную среду, формулируются предложения по внедрению футуризации в систему традиционного институционального и Интернет-образования. Особое внимание уделено критическому мышлению, принципиально важному в условиях информационных атак и перегрузки, популяризации инновационных стратегий, ориентированных на внедрение «hi-hume». Интенсивное развитие «гуманотехнологий» обуславливает значимость гуманитарного знания, соответствующего антропологии инноваций как установке мышления и практической деятельности, особого, ответственного отношения человека к новым технологиям и к собственному изобретательству.

В параграфе 4.1. «Антропология инноваций как гуманитарно-антропологическая установка мышления и практической деятельности человека» утверждается, что возникновение и популяризацию

гуманоориентированных инновационных стратегий в определенном смысле можно считать симптоматическими явлениями, скрывающими за собой не только трансформацию политических, экономических и иных социальных отношений, но и трансформацию внутреннего мира человека – ценностей, убеждений и идеалов, мышления. Рассчитывая все новые и новые возможности «успеха», человек «бежит» от осмысления существующих условий (М. Хайдеггер). Забыв о рефлексии, об остановках для раздумья, человек уверенно и всеми силами стремится к реализации «прогрессивных» целей. Мышление современного человека захвачено идеями познания мира до мельчайших частиц, контроля над любыми природными процессами, манипуляции любыми микро- и макроструктурами. Анализ языковых шаблонов показывает, что человек «вставил» в технику самого себя («загрузка сознания», «цифровизация личности», «киборгизация» и т. д.).

С ориентацией цивилизованного человечества на научно-технический прогресс как на безусловную ценность непосредственно связаны такие черты мышления, как прагматизм и расчет. Уместны опасения, что польза, сведенная до определенной вариации, постепенно подменяется выгодой. Ценности практического сознания (польза, выгода, целесообразность, эффективность и др. в их числе), вне сомнения, являются относительными. Однако в эпоху «символического обмена» (Ж. Бодрийяр) именно они и претендуют на роль абсолютных, а абсолютные (красота, добро, истина и т. д.) «меряются» их мерками. Еще одна черта мышления современного человека, наряду с ориентацией на прогресс, а также культом пользы и полезности, может быть обозначена как убежденность в «исчислимости» (Р. Барт) и измеримости мира. Этой установкой руководствуются создатели трансгуманистических стратегий, когда объявляют человека биологической машиной, пытаются рассмотреть человека в терминах кибернетики, редуцировать внутренний мир до интеллекта, помышляют о «загрузке» сознания на небιологический носитель.

Эти и подобные им суждения возникают в результате сочетания прагматической установки и «технофильской» ориентации, благодаря не критическому отношению к идее научно-технического прогресса. В условиях интенсивного изобретательства новых «научных» понятий и терминов, распространения прогрессистской идеологии, создания квазинаучных концепций о сознании, об эмоциональных механизмах, о чувствующих и мыслящих машинах и т. д., неоспорима значимость особой установки мышления и практической деятельности, обеспечивающей сохранение и воспроизводство целостности человека. Одна из перспективных, долгосрочных задач антропологии инноваций в этой связи видится в разворачивании альтернативных картин мира и человека, в последовательной критике «метрологической» парадигмы. Согласно этой парадигме, измерению подлежит абсолютно все, включая «нефизические величины» (Р. Е. Тайманов и др.). Антропология инноваций в противовес проективному (Г. П. Щедровицкий) мышлению акцентирует внимание на

рефлексивном мышлении с аксиологическим «акцентом», ответственном не только за поиск оснований и осмысление этапов деятельности, но и за ее результаты и последствия в самом широком смысле. Проективное мышление в аксиологическом смысле, напротив, нейтрально, так как сосредоточено на самих проективных технологиях и предполагаемых результатах как самоценных. Антропология инноваций как гуманитарно-антропологическая установка мышления формулирует и ставит *критические*, «неудобные» вопросы, когда, на первый взгляд, наблюдается обманчивая ясность положения дел. Чем масштабнее тот или иной социальный, социокультурный проект, тем значительнее конструктивная критика его оснований, целей и задач, аналитика содержания, обоснованность ключевых понятий и т. д. – в противном случае, цена реализации может быть очень высока.

В диссертации утверждается, что сегодня, как никогда ранее, актуальна *демифологизирующая* функция антропологии инноваций. В особенности демифологизация важна там, где происходит намеренная редукция и «схематизация» человека. Инновационные стратегии касаются различных сфер человеческого существования – экзистенциальной, художественно-творческой, метафизической и др., по-своему определяя их содержание. В результате возникают «научно обоснованные» представления о биотехнологическом рае и счастье, «опьяняющей радости постдарвинистской жизни» и «оргазмического блаженства» (Д. Пирс), творчество сводится к моделированию и комбинированию, обусловленным химическими процессами мозга (А. В. Мищенко), а человеческий разум претендует на роль божественного (Н. Бостром, М. Мор, А. А. Болонкин).

Демифологизация может осуществляться не только в отношении к сложившемуся благодаря науке и масс-медиа образу человека, но и к тому, что и как он делает, что представляет сегодня предмет его заботы. Небезосновательны опасения, что проектирование внедрилось практически во все сферы жизни человека (бизнес, политику, образование и т. д.) и почти не оставляет места для осмысления наличных условий бытия человека. Антропология инноваций актуализирует значимость *аксиологических* оснований мышления и деятельности человека. Ключевой вопрос в этой связи – как возможно не упускать из виду аксиологический компонент, сделать его органичной частью, необходимым элементом в основании проектирования и вообще деятельности человека? Антропология инноваций как особая установка мышления удерживает в фокусе зрения вопрос «ради чего?», вопрос о осознанно-ответственном выборе человека. Действие во что бы то ни стало, без тщательного продумывания последствий, постоянно стимулируемое требование «думать быстрее» (Ф. И. Гиренок), не должны быть ценностями «в чистом виде». В сложном мире «скоростное» мышление опасно по причине своей одномерной ориентированности. Удержание ценностно-смыслового измерения деятельности необходимо, в конечном счете, для сохранения целостности человека.

Антропология инноваций представлена в диссертации и как установка практической деятельности. В этом качестве она неразрывно связана с ориентиром на определение аксиологических оснований инновационной активности. Рефлексивное, критическое мышление ориентировано, во-первых, на оценку внутренней логики инновационной деятельности, а, во-вторых, на соответствие того или иного проекта гуманистическим ценностям (в объективной и общепринятой форме они выражены в законодательстве).

Оценка внутренней логики проекта предполагает анализ соотношения цели (целей) и задач, инструментария, предполагаемых результатов. Очень часто проектанты избегают (это касается и научных проектов) фиксации методологии, то есть методов и средств реализации идеи. Однако в результате того, что они подбираются «по ходу дела», многие проекты (в том числе перспективные и масштабные) не достигают поставленной цели и затухают на этапе реализации по причине методологического «разброса».

Следующим шагом после оценки внутренней логики проекта и прояснения ключевых понятий может быть оценка соответствия цели, задач и инструментария проекта экономическим, политическим, социальным и культурным условиям среды реализации. На этом шаге от экспертизы требуется комплексная оценка среды (экономических, политических, культурных условий), в которую будет интегрирован проект. Сегодня, как никогда ранее, назрела необходимость ведения диалога, все участники которого имели бы непосредственное отношение к тому или иному проекту.

В параграфе 4.2. «Предметная область и проблематика антропологии инноваций» обозначен предмет соответствующего вида междисциплинарного гуманитарного знания, а также определены связи антропологии инноваций с другими областями знания.

Гуманитарные стратегии, то есть долгосрочные общие планы, базирующиеся на идее человека как высшей ценности, а не средства, могут побуждать человека к новым поискам ответов на принципиально важные вопросы. Гуманитарно-стратегическая составляющая принципиально значима при любом стратегическом проектировании. Тем более актуальны ответы на смысложизненные вопросы в эпоху инноваций, с присущей этой эпохе интенсификацией социальных, политических, культурных перемен. Есть необходимость выработки ответа на вызовы современности внутри самого гуманитарного знания, – в «антропологии инноваций», рассматривающей человека и как субъекта, и как объекта инновационных процессов.

Вклад философии в планомерную реализацию антропологии инноваций может заключаться в выработке новых универсалий как культурного кода и определении ценностных ориентиров для человечества и человека в той новой реальности, в которой они существуют, живут и действуют. В ситуации невероятной фрагментированности и динамики инновационного мира необходима концентрация на человеческом «измерении» инновации, требующая отказа от укрепившейся

«метрологической парадигмы». При этом важно, что за человек имеется в виду в качестве субъекта инновационной деятельности, как он понимается. Это позволило бы дистанцироваться от узкоспециальных определений инновации и взглянуть на инновацию с иного ракурса, не только как на «индикатор» научно-технологического прогресса.

Задача антропологии инноваций сегодня, главным образом, видится в том, чтобы вывести на свет аксиологический смысл творческой, социально значимой деятельности человека, ценностную сторону знаний и умений человека, чтобы заново ответить на вопрос, что такое человек. Гуманитарное знание должно служить преодолению дисгармонии, дисбаланса между предметно-вещественной и ценностно-смысловой ориентациями человека.

Антропология инноваций как вид междисциплинарного знания изучает инновацию в ее прочной связи и отношении с материально-телесной природой, душевно-духовным миром и социокультурным бытием человека, так как инновации прямо касаются и самого человека, и мира человека, созданного и создаваемого им. В качестве междисциплинарного гуманитарного знания антропология инноваций возникает с учетом взаимосвязи именно различных областей гуманитарного знания. Однако, поскольку речь идет о человеческом будущем, связанном с инновациями, то она неизбежно опирается на результаты разработок и негуманитарных областей, но делает гуманитарные выводы. В отличие от инноватики, направленной на поиск способов и методов управления инновационной деятельностью, на организацию производства инноваций, в фокусе внимания антропологии инноваций находится человек в его отношении к миру вообще. Предметом антропологии инноваций являются онтологический и аксиологический аспекты отношения человека и мира в особой ситуации – в эпоху инноваций, в ситуации интенсивных технико-технологических, экономических и иных перемен. В конечном счете, антропология инноваций ставит и пытается разрешить вопрос о человеке: кто он и с чем вступает в эпоху доминирования инновационных стратегий? Философское и, в частности, философско-антропологическое знание в контексте антропологии инноваций ориентировано на определение общих базовых принципов, ценностей, смысла практической деятельности и мышления в ситуации инновационного развития.

Антропология инноваций имеет прочную связь с аксиологией. Антропология инноваций исследует структуры, иерархии и специфику ценностного мира человека именно как субъекта и объекта инновационной деятельности. Как изменяются «сущностные носители» (М. Шелер) ценностей и ценностные модальности – «принятое» и «непринятое», «благородное» и «низкое», эстетические ценности (прекрасное и безобразное), сакральные ценности и т. д. в эпоху инноваций? Почему происходят эти изменения, и куда они могут привести? Последний их обозначенных вопросов прямо указывает на тот факт, что антропология инноваций содержит в себе *прогностический* компонент. Он может

реализоваться на уровне определения направлений оптимального существования человека в мире.

Наиболее выразительной и органической является связь антропологии инноваций с философской антропологией, рассматривающей человека интегрально, в единстве природного, социального, культурного и вселенского измерений (Л. Е. Моторина, М. И. Ненашев и др.). Особое значение в этом контексте приобретает аналитика бытия человека и поиск развернутых ответов на вопросы об отношениях человека к Абсолюту, вещам, другому человеку и, наконец, к самому себе. В фокусе внимания антропологии инноваций находятся вопросы о самоидентичности и самотрансценденции человека, телесности, свободе, творчестве, открытости миру и целостности в контексте инновационной эпохи. Даже поверхностный взгляд на обозначенные константы порождает множество вопросов: как инновационная эпоха влияет на человека? Как меняются представления человека о свободе и творчестве? Как возможно сохранение целостности человека, ее воспроизводство и развитие? На каждый из этих вопросов, вероятно, не может быть дано однозначного и исчерпывающего ответа, но это не значит, что они вообще не требуют ответов.

В параграфе 4.3. «Образование – альтернативная инновационная стратегия сохранения, воспроизводства и развития человека в его целостности» образование интерпретируется как средство формирования ответственного и участного мышления человека о будущем. Обосновывается тезис о потенциале образования в качестве инновационной стратегии движения человека в будущее, личного развития, сохранения и воспроизводства целостности человека. Утверждается, что ситуации «инновационной гонки» образование способно выступить в качестве альтернативы стратегиям, основанным на редукции человека. В отличие от последних, образование основывается на понимании человека как уникальной целостности и отдает приоритет развитию личного начала в человеке, способствуя тем самым становлению самостоятельного субъекта.

Современный человек живет в хаосе вещей и быстротечных, ситуативных отношений и связей. Вследствие такого положения вещей, в условиях «текучей современности», человек вынужден приспособливаться к переменам, быть мобильным, коммуникабельным, вынужден участвовать в «мозговых штурмах» и стремительно генерировать креативные идеи. Ситуативно меняясь, человек как бы становится «модульным» (Э. Тоффлер) и испытывает перманентный стресс, уже ставший неотъемлемым спутником жизни. Достижения (равно как и тупики) цивилизации постоянно подстерегают человека на пути его движения к самому себе и предлагают различные соблазны. Остаются без глубоких, продуманных и основательных ответов (или ответы стремительно меняются) принципиальные вопросы «кто я?» и «куда я иду?». Общество само предлагает человеку варианты ответов на эти вопросы – каждый ответ при этом может звучать очень убедительно. Заинтересованные лица прилагают все усилия, чтобы «помочь» человеку

определился в жизни и понять свое предназначение. Тем самым, человек сталкивается с соблазном обманчиво легкого разрешения смысложизненных вопросов. Именно в стремлении подлинно быть заключается духовная зрелость, самоутверждение человека именно как человека. Представляется, что даже в ситуации многообразия рецептов будущего человек может принимать самостоятельный и ответственный выбор своего собственного будущего, преодолевая как потребительскую ориентацию, так и фаталистические настроения. Образование, понимаемое как стратегия, ориентированная на воспроизводство целостности человека и собирающая гуманитарные смыслы, создает условия для самостоятельного принятия решений и формирования ответственного отношения человека к собственным мыслям и действиям.

Образование вооружает человека знаниями, умениями и навыками, необходимыми для достижения разумного баланса между ценностями изменения и сохранения, что в современной ситуации может быть выражено как баланс между проективной деятельностью и осмыслением возможных последствий этой деятельности, усилиями, направленными на преобразование наличных условий бытия человека и пониманием, ради чего эти усилия совершаются. К инновациям нужен рациональный, обстоятельный, критический подход, свободный как от безоговорочного принятия, так и от обскурантизма

Во второй половине XX в. западные интеллектуалы (Р. Юнг, Э. Тоффлер, М. Хавелсруд) утверждали, что образование (в их работах речь шла об институциональном образовании) имеет широкие возможности подготовки человека к инновационной эпохе, потенциал для аннигиляции деструктивного воздействия футурошока, но вместе с этим «отстает» от социальных трендов. Еще в 60-х гг. возникли идеи реформирования образования с целью раскрытия его «адаптационных» механизмов. Ориентируясь на инициативу Р. Юнга (массовая организация «прогностических ячеек»), Э. Тоффлер выступил с идеей реорганизации образования (как школьного, так и высшего). Ученый исходил из предпосылки, что в условиях интенсификации перемен необходимо «массовое движение, чутко реагирующее на запросы будущего». Позднее, в начале XXI в., в России возникла идея «футуризации» образования (А. Д. Урсул) – стратегии, служащей идее устойчивого развития, предполагающей практику моделирования будущего, принятие опережающих решений, прогнозирование краткосрочных и долгосрочных последствий той или иной деятельности. За полтора десятилетия идея «футуризации», однако, не была содержательно раскрыта. В стратегически значимом проекте «Образование 2030» анализируются образовательные тренды («викификация», персональные искусственные интеллекты, проекто- и продуктоориентированность образования и др.), однако, упускается содержательная сторона образования будущего. В конечном счете, именно от

ответа на вопрос «чему учить людей?» (Ю. Н. Харари), в значительной степени зависит будущее каждого человека и всего человечества.

В диссертации разработана стратегия развития образования на основе футуризации, включающей в себя информационный, этический и практический модули. Они предполагают систематическое информирование о трендах (техничко-технологических, политических и иных), обсуждение существующих и возможных этических проблем, связанных с применением гуманитарных технологий и разработку локальных проектов с акцентуацией внимания на их ценностных основаниях и на возможных последствиях тех или иных решений. Утверждается, что в единстве указанные модули помогут в формулировке гуманитарно-антропологического ответа на вызовы инновационной эпохи.

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы некоторые предложения по реализации футуризации в системе институционального образования, основные выводы, свидетельствующие о новизне концептуальных положений автора. Излагаются перспективы дальнейшего исследования футуризации и антропологии инноваций в философском ракурсе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в международных системах цитирования (Web of Science, Scopus):

1. Dydrov A. Image of the builder of communism in the soviet posters // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. V. 8, I. 4, 2016, PP.169-180 [человек будущего; образ человека будущего].
2. Dydrov A. Frustrated Dialogue about the Future: The Lacunes of Modern Education / A. Dydrov // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, Aug 24-31, 2016, Book 3, Vol. 2. PP. 679-684 [образовательная стратегия футуризации, проблематика будущего в образовании].
3. Dydrov A. XXV ICPP: View from the outside and the inside / A. Dydrov, R. Penner // Hacer. I. 10, 2019, PP. 123-142 [футуризация образования, проблематика будущего в образовании].
4. Dydrov A. The light and the dark sides of the moon: Possibilities of Industry 4.0 for early non-invasive diagnosis of pathology and health-risks / M. V. Vasilieva, V. A. Glukhova, E. V. Grednovskaya, A. A. Dydrov, I. I. Klebanov, I. A. Nikolaeva, Y. K. Nikolskaya, R. V. Penner, V. E. Tseilikman // Journal of Physics: Conference Series. V. 1379, I. 1, 2019. PP. 1-5 [бытие человека в инновационную эпоху, проблема поиска конструктивного ответа на вызовы новых технологий, проблема адаптации человека к технологическим трендам].

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры:

5. Дыдров А. А. От «техники-средства» к «технике-богу»: литературная фантастика о сосуществовании человека и техники (позитивные и негативные сценарии) / А. А. Дыдров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32 (291). С. 162-165.
6. Дыдров А. А. Понятия нового и новизны: поиск смыслов и корней / А. А. Дыдров // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 65-69.
7. Дыдров А. А. Человек будущего в трансгуманизме: семиотический анализ концепции о нечеловеке / А. А. Дыдров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 2. С. 81-84.
8. Дыдров А. А. Проблема конструирования образа тела сверхчеловека (на основе философских идей Ф. Ницше) / А. А. Дыдров // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 114-119.
9. Дыдров А. А. Манифест отечественного трансгуманизма (семиотический подход) / А. А. Дыдров // Вестник Таджикского национального университета. 2015. № 3-3. С. 175-179.
10. Дыдров А. А. Дискурсы философии XX в. об инновации и инновациях / А. А. Дыдров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 4. С. 8-14.
11. Дыдров А. А. Novatio и traditio: свобода выражения смысла (философско-этимологический ракурс) / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Вопросы культурологии. – 2015. – №2. С. 31-35.
12. Дыдров А. А. TerraUtopia: хребты и плато / А. А. Дыдров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – №1. С. 110-112.
13. Дыдров А. А. Человек бессмертный: религиозная фикция или будущее науки? / А. А. Дыдров // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 76-79.
14. Дыдров А. А. Сценарии существования Homosapiens и Posthuman в дискурсах трансгуманизма / А. А. Дыдров // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 123-128.
15. Дыдров А. А. Постнеклассическая наука в свете адаптации человека к будущему / А. А. Дыдров // Философия и культура. 2016. № 4. С. 497-505.
16. Дыдров А. А. Футуризация российского образования как условие соблюдения экологического императива / А. А. Дыдров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2 (73). С. 94-97.
17. Дыдров А. А. Инфляция инноваций: значимость историко-философского и лингвистического исследований / А. А. Дыдров // Исторические,

- философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (66). С. 55-58.
18. Дыдров А. А. Феномен футуризации российского образования: социально-философский анализ / А. А. Дыдров, Е. В. Гредновская // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т.6. №2А. С. 176-186.
19. Дыдров А. А. Инструменты виртуальной реальности в контексте образования / А. А. Дыдров, М. В. Гончарова, У. В. Лаптева // Социум и власть. 2017. №5 (67). С. 14-19.
20. Дыдров А. А. Синергия гуманитаризации и футуризации как условие функционирования интерпретационной машины / А. А. Дыдров // Социум и власть. 2017. №2 (64). С. 96-100.
21. Дыдров А. А. Мышление современного человека в контексте инновационной гонки (заметки о романе-антиутопии «Мы») / А. А. Дыдров // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 83-88.
22. Дыдров А. А. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики / А. А. Дыдров, В. С. Невелева // Социум и власть. 2018. №5 (73). С. 100-108.
23. Дыдров А. А. Ориентиры современного российского образования: философско-аксиологический ракурс / А. А. Дыдров, Л. Д. Александрова // Социум и власть. 2019. №2 (76). С. 7-17.
24. Дыдров А. А. Экологизация человека как диалог ценностей изменения и сохранения / Н. Г. Апухтина, А. А. Дыдров, Е. П. Емченко, Д. В. Соломко // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 102-111.

**Публикации в рецензируемых научных изданиях по другим
специальностям:**

25. Дыдров А. А. Антропология инноваций / А. А. Дыдров, В. С. Невелева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 35-43.
26. Дыдров А. А. «Сделать учащегося человеком»: критическое мышление в контексте образовательных инноваций / А. А. Дыдров, В. С. Невелева // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 5 (76). С. 19-23.

Монографии и учебные пособия:

27. Дыдров А. А. Философская практика и высшее образование: в поисках координат построения индивидуальной траектории субъекта образования нового типа: монография / Л. Д. Александрова, В. О. Богданова, А. А. Дыдров и др. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 224 с.
28. Дыдров А. А. Эпоха футуроплюрализма: фигуры человека будущего. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. 202 с.

Статьи в сборниках трудов и тезисы докладов на научно-практических конференциях:

29. Дыдров А. А. Метафоричность «конца света» в религии и фантастике катастроф: бытие без Другого и актуализация феноменологии / А. А. Дыдров, А. Р. Нургарипов // *Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.)*. В 3 тт. Т. 2. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2012. 467 с. С. 52.
30. Дыдров А. А. Российский вуз на распутье: между обществом дисциплины и обществом контроля // *Дискурсология: методология, теория, практика*. 2015. № 9. С. 275-283.
31. Дыдров А. А. Футуроплюрализм и его маркеры / А. А. Дыдров // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: материалы VII Российского философского конгресса (Уфа, 6-10 октября 2015 г.)* в 3 тт. Т. 1. Уфа: НИЦ БашГУ, 2015. 370 с. С. 332.
32. Дыдров А. А. Российское образование в условиях футуроплюрализма / А. А. Дыдров // *Философия и наука*. 2016. Т. 15. С. 40-49.
33. Дыдров А. А. Образ оппонента в дискурсах трансгуманизма и иммортологии / А. А. Дыдров // *Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции (Челябинск, 5-7 апреля 2016 г.)*. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2016. С. 479-487.
34. Дыдров А. А. Работа исследовательской группы как инструмент футуризации образования / А. А. Дыдров, М. В. Гончарова, У. В. Лаптева // *НомоHolic: человек целостный: сборник научных статей преподавателей кафедры философии ЮУрГУ, студентов, магистрантов и аспирантов вузов*. Министерство образования и науки Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет, Кафедра философии. Челябинск, 2017. С. 61-71.
35. Дыдров А. А. Экологическая проблематика в контексте футуризации образования: философский ракурс / А. А. Дыдров, А. А. Желтов, С. В. Киричук // *Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: материалы международной научной конференции (Челябинск, 10 ноября 2017 г.)*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2017. С. 146-151.
36. Дыдров А. А. Жизнь в эпоху «великого шума»: к вопросу о сохранении человеческого в человеке / А. А. Дыдров, М. П. Меняева // *Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: материалы международной научной конференции (Челябинск, 15 ноября 2018 г.)*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. С. 88-93.
37. Дыдров А. А. Русская философия о критическом мышлении / А. А. Дыдров // *Семнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура»: материалы международной научно-практической конференции (Челябинск, 16-17 мая 2019 г.)*. Челябинск: Челябинский гос. ин-т культуры, 2019. 493 с. С. 310-312.

38. Дыдров А. А. Футуризация образования: философско-антропологический ракурс / А. А. Дыдров, В. С. Невелева // Стратегические ориентиры современного образования. сборник научных статей, 2020. С. 172-176.
39. Дыдров А. А. Методологические основания футуризации образования / А. А. Дыдров // Наука ЮУрГУ: материалы 72-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук (Челябинск, 21-23 апреля 2020 г.). Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2020. С. 177-181.